

84(2Рос-Рур)6-442
Я 47

Т. ЯКОВЛЕВА

**Почему лягушонок
стал зелёным**

2008г

АД

Т. Яковлева

Почему лягушонок стал зелёным

601277

г. Новокузнецк

2008 год

Дорогие читатели!

Эта книжка—подарок нашего Губернатора Амана Гумировича Тулеева. Благодаря его финансовой поддержке замечательные сказки увидели свет таким большим тиражом. Читайте их, учитесь быть добрыми, дружными, бескорыстными.

От автора

*Посвящается внучке моей Танюше, доброй фее,
без которой не было бы этих сказок.*

Сказки жили со мною всегда.

У меня не было бабушки, никто не рассказывал мне их. Я придумывала их сама, рассказывала куклам и подружкам. А когда ко мне пришли книги—чудесный мир ворвался в мою жизнь. Детство моё не было счастливым, поэтому я уходила в этот мир, спасаясь в нём. Моими друзьями были животные, деревья, цветы... Ах, старый парк, как ты был прекрасен!

Я повзрослела и открыла первую книгу Александра Грина (Гриневского) «Алые паруса». И поняла, что его жизнь тоже была нелегка, что он жил в своём сказочном, добром, чарующем мире. Его книги стали моими настольными книгами.

Жизнь прожить—не поле перейти.

Досталось мне крепко. Я стала писать, но не сказки (для кого?), а стихи, прятала в них свою боль. Писала много и бестолково, но это приносило мне облегчение.

Наступили дни, когда я стала бабушкой, и сказки вернулись. "Грибок", «Про Топтыжку», «Гусёнок и бабочка»... И пошло, и пошло. Я работала тогда в восточно-казахстанской областной газете «Рудный Алтай» корректором. Дома писать было некогда, писала на работе (вот ведь грех), и сказки попали в руки редактора газеты В.М. Шустера. Он первый благословил меня на их издание в газете. Они стали довольно часто выходить на четвертой полосе под рубрикой «Сказки бабушки Татьяны». Их ждали, вырезали и собирали. Скоро ко мне стали приходиться дети. Моя небольшая квартирка вся, вплоть до кухни и прихожей, была увешана произведениями маленьких художников.

Перестройка заставила меня уехать из Казахстана. Я оставила свои рукописи подруге, журналистке Лиде Прокопенко, которая вычитала их и в 2000 году часть сказок издала маленькой книжечкой, которая так и называлась «Сказки бабушки Татьяны», рисунки выполнила наша художница Т.Орлова.

Эта книжка мне очень дорога. Она напечатана в родной типографии, печатали её равнодушные люди. И хоть в книжке много досадных ошибок и опечаток,—это первая ласточка! Я благодарна всем моим друзьям в городе Усть-Каменогорск, а особенно, конечно, Лиде Прокопенко.

И вообще, мне очень везёт на добрых людей. В Новокузнецке социальные работники помогли мне окрепнуть и физически, и морально, помогли вернуться к творчеству.

Редактор газеты «Инвалид» Зинаида Гавриловна Черновол. Это она поверила в меня, начала издавать мои сказки в Новокузнецке сначала небольшими книжечками, а потом и настоящими сборниками. Я очень, очень ей благодарна и доверяю во всём.

А Альбертина Фёдоровна Фомченко! Она иллюстрировала, причём замечательно иллюстрировала все мои сказки. Мы с ней очень близки и очень хорошо понимаем друг друга, это счастливый творческий союз. Без её дружбы и помощи мне было бы нелегко.

Каждую букву в моих сборниках набрала на компьютере Эльвира Валентиновна Бабаева, скромная труженица печати, замечательная женщина.

В моих запутанных, головомомных рукописях усердно разбиралась Татьяна Андреевна Бабушкина и печатала их на машинке. Вообще, Танюша—моя скорая помощь! Низкий поклон вам, добрые люди!

Гусёнок и бабочка

Синичка, пушистая рукавичка всё лето в лесу провела, в город осень привела. Прилетела к окошечку—не даст ли кто хлеба крошечку? Увидела мама, открыла раму, покрошила пичужке остатки от ватрушки. Синичка доела, на балкон полетела. Села на колясочку.

—Слушай, Таня, сказочку.

Любопытный Гусёнок едва на свет появился—сразу очень удивился:

—Го-го-го! не пойму ничего! Нужно попробовать!—и ущипнул себя за лапку.

—Больно!

Рос Гусёнок—и любопытство его росло, во двор вышел—ветер травку колышет. Интересно.

—Го-го-го! Не пойму ничего! Нужно попробовать! И ущипнул травинку.

—Вкусно!

Каждый день, только солнышко встанет, на дворе и на улице слышно станет:

—Го-го-го! Не пойму ничего! Нужно попробовать!

А однажды очень большая красивая бабочка во двор залетела и на дорожку села.

Увидел её любопытный Гусёнок и закричал:

—Го-го-го! Не пойму ничего! Нужно попробовать!

Только ущипнуть собрался, а бабочка с дорожки на цветок—Гусёнок за ней.

Бабочка с цветка на пенёк—Гусёнок за ней.

Бабочка с пенёка на кусток—Гусёнок за ней.

Бабочка за ворота—Гусёнок за ней до самого поворота. Бежит, крылышки растопырил, шею тянет:

—Ущ-щ-щипну!

Бабочка дальше летит—и Гусёнок за нею бежит. Шея у Гусёнка вытянулась, хочет он крикнуть:

—Ущ-щ-щипну! А получается:

—Ш-ш-ш-ш!

С тех пор у всех гусей длинные шеи. Кто мимо ни пройдёт, хоть беги назад: крылья расставят, шеи вытянут и шипят:

—Ш-ш-ш-ш!

Про яблочко наливное

До чего ж устали ручки! До чего ж устали ножки! Ночка смотрится в окошко. Спать пора!

Книжки спят на книжной полке. Спят давно твои игрушки. Спрячь матрёшку под подушку! Закрывай-ка глазки, да послушай сказку!

В дальнем лесу, волшебном, чудесном есть одно заповедное место. Едва ли в такое поверишь ты—растёт там Яблоня—дерево доброты. Каждое яблочко—для глаз отрада, каждое яблочко—доброму человеку награда.

Проказник Ветер любит в листе пошалить, дерево волшебное расшевелить. И вдруг одно Яблочко прошептало:

—Мама, я держаться устало!—И на землю упало.

...Катится Яблочко по дорожке, а навстречу ему—Старенький Ёжка.

—Наколю-ка я Яблочко на колючки! Отнесу-ка я Яблочко моей внучке!

А Яблочко в ответ:

—Не тронь меня, колючий дед! Не для того я с ветки упало, чтобы в ежину норку попало!

...Катится Яблочко по тропинке, а навстречу ему лисята, рыжие спинки.

—Смотри-ка, братец, удача какая! Сейчас мы с тобой в футбол поиграем!

А Яблочко им:

—Безобразье какое! Немедленно оставьте меня в покое! Не для того я с ветки упало, чтоб меня малышня ногами пинала!

Катится Яблочко, катятся, а у берёзки девчонка Олюшка в розовом платье стоит, рыдает, ладошками грязными глаза вытирает.

—Что такое? Что случилось с тобой?—засветилось Яблочко добротой.— Не плачь! Возьми меня лучше! Я душистое, наливное, а сладкое-то какое!

Протянулись к Яблочку чумазые ручки.

—Откуси от меня хоть самую малость!

Откусила девчонка—и засмеялась. И хорошо, и весело ей стало.

Видно, Яблочко от Яблоньки недалеко упало!

Ёжка Ерошка

И снова день
пролетел, вечер пришёл,
добрую ночь за собою
привёл. И пришла
сказка.

В заповедном лесу в неглубокой норке у мамы Ежихи, у папы Ежа вместе с другими ребятами-ежатами подрастал ёжка Ерошка. Всем был хорош Ерошка: ноженьки быстрые, глазоньки-бусинки, да вот только надевать одёжки—ох, не любил Ерошка!

Скажет ему мама Ежиха:

—Ерошка, на улице сыро, надень сапожки, промочишь ножки!

А Ерошка в ответ:

—Так дойду! Ничего страшного нет!

Скажет ему папа Ёж:

—Надень свою колючую шубку, Ерошка, встретишь лису на дорожке, пропадешь!

А Ерошка ему в ответ на бегу:

—Я от неё убегу!

Вот какой ленивый был маленький ёжка, ёжка Ерошка.

Вся ежиная семья по грибы пошла однажды. За корзинку взялся каждый.

Папа Ёж нацепил на колючую шубу большую корзину.

Мама Ежиха нацепила на колючую шубу корзиночку поменьше.

Ребята-ежата нацепили на свои колючие шубки маленькие лукошечки.

Один ёжка Ерошка не взял ни корзиночки, ни лукошка. Он и шубку-то колючую опять не стал надевать.

Разбрелась семья по лесу, грибы собирает. А Ерошка от кусточка к кусточку, с кочки на кочку шмыгает, играет, ничего не собирает.

Откуда ни возьмись—Лиса, хитрые глаза, любопытный нос, рыжий хвост.

Испугались ёжики.

Папа Ёж клубком свернулся, колючками к Лисе повернулся. Мама Ежиха клубком свернулась, колючками к Лисе повернулась. Ребята-ежата в маленькие клубочки свернулись, в колючки с головками завернулись.

И только ёжка Ерошка раздетый на дорожке:

—Спасайте меня, ножки!

Бежит ёжка, а Лиса за ним.

Бежит ёжка, а Лиса быстрее.

Бежит ёжка, а Лиса догоняет, вот-вот схватит, осталось совсем немножко.

И вдруг—провалился в чью-то нору Ерошка, только мелькнули ножки. Лиса к норе. А оттуда острые зубы за нос её—цап! Завыла Лиса и бросилась куда глядят глаза.

—Вот то-то!—проворчал Старый Крот угрюмо.—Бегают тут всякие, голова болит от вашего шума!

А Ерошка вскочил на ножки, из норы—шмыг и домой напрямик. До дома добрался, едва отдышался.

—Где моя колючая шубка?

Надел Ерошка с коготками сапожки, надел свою шубку колючую и больше никогда-никогда её не снимал.

Про куклу Настю

Дождик гладит мокрой лапой наши крыши и дорожки. Тучки—серенькие кошки мчатся по небу куда-то. Ты зеваешь сладко-сладко. Ну-ка, быстренько в кроватку!

Как у нашей у девочка Олюшка великое горюшко: заболела любимая кукла Настя, вот ведь несчастье! Гуляла она с Олюшкой по дорожке, гуляла и где-то (вот ведь беда какая!) ножку свою потеряла. Ходит Олюшка по двору уныло, головушку опустила. По дорожке и по травушке ходит—нигде Настину ножку не находит. А солнышко спать уже собирается, пушистую тучкою укрывается.

—Олюшка, иди-ка домой, пора спать!

Думает девочка:

—Рассказать маме или не рассказать? Может, будет меня ругать?

Решала Олюшка промолчать. Всю ночь проворочалась она в постели, провздыхала, а утром к мамочке побежала.

—Пойдём к доктору! Нужно Настю к нему отнести! А мама в ответ:

—Незачем к доктору идти! Я сама могу вылечить твою Настю. Нужно только ножку её найти.

Вышла Олюшка во двор, а петух Христофор взлетел на забор, крылья расправляет, горлышко прочищает.

Девочка к нему:

—Петушочек-петушок, милый мой дружок, у меня большая беда. Слетика ко мне сюда!

—Ку-ка-ре-ку! Не могу! —отвечает.—Я Солнышко Ясное встречаю!

Увидела девочка курочку в уголке, она червяков выискивает в тенёчке.

—Курочка Пеструшка, милая подружка, не хочешь ли со мною пойти? Мне надо ножку Настину найти.

А та в ответ:

—Ко-ко-когда мне! Я вся в заботе, я вся в работе. Надо червяков побольше найти да цыплятам моим унести.

Уныло в самую глушь двора Олюшка побрела. А там у канавки сидит уточка Лизавета, в скромное платье одета.

—Уточка-толстушка, милая подружка! У меня такое несчастье! Помоги вылечить любимую куклу Настю! Надо найти ей потерянную ножку.

—Кря-кря-кря! Иди-ка своею дорожкой. И зачем тревожишь меня зря? Если ты действительно мне подружка, угости меня сначала аппетитной лягушкой!

Олюшка, Олюшка! Кто поможет твоему горюшку?

Сидит Олюшка на скамейке и горько вздыхает. А рядом кисонька Мурысенька отдыхает, солнышку спинку свою подставляет.

—Что вздыхаешь, малышка? Какое случилось несчастье?

—Потеряла ножку моя любимая кукла Настя. Сама найти не могу и помочь мне никто не желает.

—Ох, и глупая же ты какая! Эта работа как раз по силам нашему псу Федоту, он сейчас возле конуры как раз. Собирается отдохнуть после дежурства ночного. Попроси его помочь. Что тут такого?

—Да боюсь я его! Вечно взъерошенный, сердитый вечно, он мне помочь не захочет, конечно!

—Ну что ты, не нужно бояться слишком! Попробуй его приласкать, малышка! Ласку, поверь мне, всякий любит. И сама увидишь, что тогда будет.

Псу Федоту не спалось что-то. Слышит: кто-то подходит несмело. Приот-

крыл правый глаз—девчонка от страха присела и думает:

—Вот набросится сейчас!

Протянула дрожащую руку, на голову грозному псу положила и от страха глаза закрыла. А Федот подошёл к ней поближе и румяные щечки лижет.

Обняла ласково Олюшка за шею Федота и на ушко ему нашёптывает что-то. А тот в ответ:

—Совсем ты глупенькая, без понятия: искать—самое любимое моё занятие!

Долго-долго бегал по двору пес и наконец:

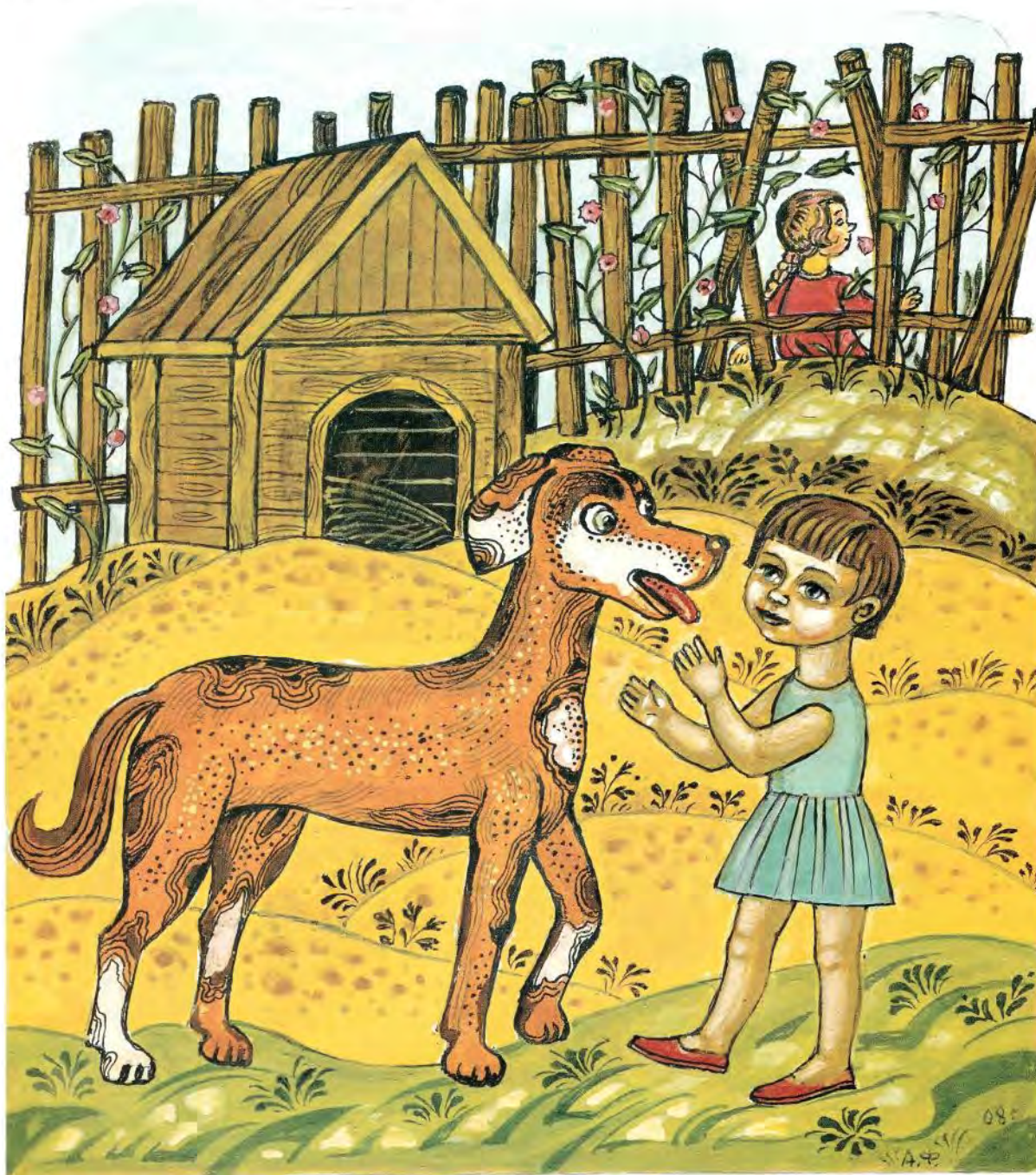
—Вот, принёс!

Поцеловала его Олюшка в чёрный холодный нос.

—Спасибо тебе! Домой побегу! Кукле Насте любимой своей помогу!

Ну а дома мама постаралась немножко—и приделала кукле ножку.

Как у нашей у девочки, у Олюшки, радость, а не горюшко: здорова любимая кукла Настя. Вот ведь счастье!

Про Тишку-глупышку

Каждый вечер ждёт подушка ненаглядную Танюшку. Ночка добрая идёт, сказку добрую ведёт.

Очень давно, когда дети ещё не смотрели кино и, что самое невозможное, не ели никакого мороженого, у мамы Зайчихи и Зайца-папы подрастал зайчонок длиннолапый. И звали малышку Тишкой.

Рано утром будит сыночка мама:

—Поднимайся, зайчишка, любимый мальчишка, солнышко встало! За кустом в роднике ключевая водица, надо сбегать тебе поскорей и умыться!

А Тишка в ответ:

—Ни к чему торопиться!

А сам левый глаз левым ухом прикроет—и дальше спит.

Снова будит зайчиха сыночка:

—Вставай, зайнышка-паинька, давно кончилась ночка! Надо зубки почистить скорее, станут крепче они и белее!

А Тишка в ответ:

—Успею!

А сам правый глаз правым ухом прикроет—и дальше спит.

Рассердится зайчиха:

—Ах ты, Тишка-плутишка! Поднимайся сейчас же, негодный мальчишка! А ну, беги мыться к ключу, а не то я тебя проучу!

Вскочит зайчонок, за куст завернёт, лапками мордочку потрёт—и скорей в огород: там его капуста ждёт.

—Завтра можно и зубы почистить, и умыться. Уж больно холодна ключевая водица!

И так день за днем катился, а глупый зайчишка и зубки не чистил, и не мылся.

Мало ли, много ли времени прошло, а только ко дню рождения Тишкиному подошло. Прибежали зверята поздравить зайчишку. Кто игрушку принёс, кто конфету, кто книжку. Самый вкусный подарок достала Лисичка-плутовка: она принесла имениннику большую-пребольшую, красную-прекрасную, сладкую-пресладкую морковку!

Обрадовался Тишка, за морковку схватился, скорее в рот—хруп! хруп!—и от боли в траву покатился: сломался у Тишки зуб!

Зря ты, зайчишка, зубки чистить ленился!

Тишка-глупышка!

Про Топтыжку

Тихо вечер подкрался на мягких лапах. Ложись на бочок, не надо плакать. Скоро придёт добрая ночь—и начнётся сказка.

Медвежонок Топтыжка был у мамы единственный сынишка. Уж она его миловала, уж она его баловала. Только Топтыжке игрушка наскучит—он дружку сразу получит. Захочет Топтыжка мёду—мама несёт целую колоду.

И вырос Топтыжка лентяй и шалунишка. Мама целый день по хозяйству хлопочет, а сынок ничего делать не хочет.

Но однажды сказала мама:

—Что мне делать с тобой, не знаю прямо! Отправляйся, Топтыжка, на выучку к дяде, он за лень по головке тебя не погладит.

И отправился медвежонок в дальнюю дорогу. Увязалась за ним Сорока-белобока, всё любит делать с насюка, трещит без умолку—да всё без толку.

Шёл Топтыжка, шёл, вот уж день прошёл. Дело к вечеру, а покушать нечего. Нет рядом мамы. Никто его не накормит, никто его не напоит, никто пуховым одеялком не укроет. Вышел на полянку, а на ней—черника спелая, земляника алая, бери, не ленись! Ешь на здоровье, только нагнись!

—Вот ещё, буду я нагибаться!

А Сорока-белобока, всё любит делать с насюка, трещит без умолку, да всё без толку—довольная сидит, ягодки клюёт и приговаривает:

—Не нагибайся Топтыжка, не нагибайся, спинка заболит!

И Топтыжка голодный в самую чащу забился и под старую ель спать завалился.

И снова день настал. Медвежонок сердитый встал и дальше пошёл. Идёт и причитает:

—Бедный я, бедный! Никто меня не любит, никто не жалеет, никто меня не приголубит, никто меня не согреет! Никто меня не покормит, никто меня не напоит, никто одеялком пуховым не укроет!

Глядь—а перед ним кусты, а на них ягода алая, малина спелая. Обрадовался Топтыжка, лапой за куст хватать—и ну прочь бежать.

—Ой, какой куст колючий! Боюсь занозы болючей!

А Сорока-белобока, всё любит делать с насюка, трещит без умолку, да всё без толку—кричат ему с куста:

—Не ешь малину, малыш, лапы занозишь!

И опять дело к вечеру. И опять кушать нечего. Под еловой лапой холодной спит Топтыжка усталый, голодный.

Вот и третий день подкатился. Медвежонок с боку на бок повернулся, открыл глаза и стал слушать: не несёт ли мама покушать.

Но никто к нему не пришёл. Встал медвежонок, вздохнул и пошёл. У Топтыжки животик от голода сводит. Подошёл к речке—там рыба косяками ходит.

—Рыбка, рыбка, плыви скорее сюда, мне так нужна еда!

Рыбки дразнят, подставляют спины, а на берег не выходят, плывут мимо.

Сунулся Топтыжка в речку:

—Ой, не люблю воды холодной! Лучше буду ходить голодный!

А сам идёт едва-едва. В ушах звенит, кружится голова. Вышел на поляну, а на ней—яблоня старая-престарая, высокая-превысокая, а на самом веру—яблоко красное-прекрасное, одинокое.

Постоял Топтыжка. Посмотрел, подумал. А лезть-то ведь нелегко. А лезть-то ведь высоко. Но ужасно хочется кушать.

—Лягу, отдохну немножко. Потом яблоко достану—и опять в путь-дорожку.

А Сорока-белобока, всё любит делать с наскока, трещит без умолку, да всё без толку—кричит ему:

—Поспи, поспи, Топтыжка, до вечера, всё равно тебе делать нечего!

Проснулся медвежонок, посмотрел скорее—а наверху ничего не краснеет.

—Сорока-белобока, ты не знаешь, куда яблоко делось?

—А я его съела!

Сел Топтыжка под яблоней, лапами мордочку закрыл и заплакал:

—Глупый я, глупый, лодырь-лежебока! Связался я, глупый с Сорокой-белобоккой! Не держат меня ноженьки, шумит моя головушка. Никуда я не дойду, пропаду я, пропаду!

Вдруг слышит: кусты трещат возле яблони самой.

Поднял заплаканную мордочку:

—Мама!

—Чуяло сердце, что дело неладно! Пойдём домой, сыночек, пойдём обратно!

—Мамочка, родная! Я не буду лениться! Всё буду делать сам, всему учиться. Не отправляй меня к дяде, пожалуйста, не надо. Я понял и сам—по труду и награда!

Про глупую квакушку

Что-то сказка приуслала, приуныла, захромала. Иль дорога тяжела? Иль её тоска взяла? Сказку радостно встречаем, угощаем сладким чаем, прежде чем пуститься в путь, ты подольше с нами будь!

У квакушки Веры характер скверный: сама ничего не хочет делать, зато на маму кричать умеет отменно:

—Квак! Квак! Всё делаешь не так! Постели мне постельку! Взбей получше подушку! Я не просто квакушка, я—Царевна-лягушка!

Ах, квакушка Вера, до чего же характер у тебя скверный!

А по болоту на длинных ногах—шлёп! шлёп!—ходит птица Цапля, клюв, как сабля. Походит, послушает, клюв в болото опустит и кого-нибудь скушает.

Просит Мама:

—Помолчи, Вера, глупая квакушка!

—А ты почеши у меня за ушком! Я не просто квакушка, я—Царевна-лягушка! Вот, и чешешь-то ты не так. Квак! Квак! Глупая толстуха, старая квакуха, почеши, как следует, за ухом!

Ах, квакушка Вера, до чего же характер у тебя скверный!

А по болоту на длинных ногах—шлёп! шлёп!—ходит птица Цапля, клюв, как сабля. Походит, послушает, клюв в болото опустит и кого-нибудь скушает. Ага, лягушка кричит где-то близко. Цапля голову опустила низко.

Кормит мама червяками квакушку:

—Кушай, Вера!

—От червяков болит у меня брюшко! Я ведь не просто квакушка, я—Царевна-лягушка! Хочу мошек и хлебных крошек. Квак! Квак! Всё делаешь не так! До чего же ты противная, в самом деле, глаза бы мои на тебя не глядели!

Повернулась к маме мокрою спинкой. Ох, останешься, глупая, сиротинкой! До чего же, квакушка Вера, характер у тебя скверный!

А по болоту на длинных ногах—шлёп! шлёп!—ходит птица Цапля, нос, как сабля. Походила, послушала, клюв в болото опустила и кого-то скушала.

Оглянулась Вера: страшное дело—была мама рядом, да куда-то делась, неужели Цапля её съела?

Зажала квакушка голову лапками, под листик забилась и горько заплакала:

—До чего же у меня, квакушки Веры, характер скверный! Что наделала, что натворила я? Где ты, мама, мамочка милая?

А из-за кочки:

—Здесь я, дочка!

Вот и кончилась сказка про квакушку Веру. Теперь характер у Веры не скверный. Доброй и ласковой стала квакушка.

—Я мамина дочка, а не Царевна-лягушка!

Почему лягушонок стал зелёным

Побежали спать трамваи. Спят давно уже машины. Спи, Танюшка, баю-баю—сон крадётся по квартире. Ночь рассказывает сказки—закрывай скорее глазки!

У ручья на опушке лесной—детский сад под высокой сосной. И бегут в этот сад поутру: косолапый Мишка, зубастый Волчишка, рыжий Лисёнок, серый Зайчонок и маленький голубой Лягушонок.

А воспитательница Медведица их встретит, приветит и пересчитать не поленился:

Раз—косолапый Мишка,

Два—зубастый Волчишка,

Три—рыжий Лисёнок,

Четыре—серый Зайчонок,

Пять—...а где голубой Лягушонок опять? Куда он разбойник, запрятался?

А из-под зелёного листочка доносится голосочек:

—Вот он я!

Всех зверят развлекает и дразнит Лягушонок, шалун и проказник.

...Детский сад на прогулку собрался—голубой Лягушонок опять затерялся. Тетя Медведица сердится, снова считает зверят:

Раз—косолапый Мишка,

Два—зубастый Волчишка,

Три—рыжий Лисёнок,

Четыре—серый Зайчонок,

А куда же сбежал голубой Лягушонок?

Медведица очень тревожится, а из-за невысокой травинки голубая виднеется спинка, голубая кривляется рожица.

Всех зверят развлекает и дразнит Лягушонок, шалун и проказник.

В жаркий день зверята наши прямо на тропинке подставляют солнышку животики и спинки. А потом бегут к водичке—поплескаться и помыться.

Плюх—свалился Медвежонок,

Хлюп—в воде уже Волчёнок,

Шлёп, шлёп, шлёп—пошёл Лисёнок.

Бульк—и скрылся Лягушонок. Лишь Зайчишка-трусишка на берегу:

—Не пойду! Не хочу! Не могу!

Освежила надолго водичка зверят—все опять на тропинке лежат. Только надо же было случиться беде—нет нигде голубого малышки, нигде! Тётя Медведица не знает, что и делать. От огорчения, бедная, на землю села.

А из тихого ручья—всплески, бульки:

—Вот он я!

Всех зверят развлекает и дразнит Лягушонок, шалун и проказник. Корчит рожицы всем и хохочет, из воды выбираться не хочет.

—Эй, малыш, вылезай поскорей! Ты от холода весь зеленеешь!

А в ручье только бульк, да бульк:

—Не беда! Не страшна Лягушонку вода!

И ныряет и плавает всё веселее. Посмотрел—а лапки и впрямь зеленеют. До того малыш докупался—навсегда зелёным остался.

Всех теперь Лягушонок стыдится: повстречает—скорее к водичке. Бульк—и спрячется.

Про речку Горлицу

День работать устал—вот и вечер настал. У Танюшки слипаются глазки—настало время для новой сказки. Приходи скорее, добрая ночь!

Кто рассказал—не ведаю, в каком году—не помнится, в глухом лесу неведомом текла речушка Горлица. Лесные зверюшки очень любили свою речушку.

—Наша Горлица—прозрачна и чиста, на нашей Горлице такая красота! По берегам кусты тенистые, лужайки росистые. На кустах—птицы-забавушки, на лужайках травка-муравушка. Тут тебе и ягоды, и цветы сказочной невиданной красоты. А в воде под берегом да под кручею в хороводах рыбка плескучая. Можно целый свет обойти—говорливей Горлицы не найти.

Но настал для зверей беспокойный год—вырос в лесу завод. И посёлок вокруг, и большие дома—и такая пошла кутерьма! Песни, хохот и свист, и костры до небес растревожили сказочный лес. Заработал завод, задымил—и тогда помутнела в речке вода.

И случилась беда неминуемая—вдруг исчезла рыбка плескучая. И поникли кусты тенистые, опустели лужайки росистые. Улетели птицы-забавушки, пожелтела травка-муравушка. Можно целый свет обойти, а печальней Горлицы не найти!

И напуганный шумом звериный народ собирается в дальний поход. Но однажды, всем на удивление, появилось на сосне

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем желающим перекрасить шубки, прежде чем в путь

Отправляться, предлагается в Горлице искупаться.

В понедельник—окраска бурого цвета.

Во вторник—зелёная, как травушка летом.

В среду и четверг—голубая и синяя.

В пятницу—жёлтая, очень красивая.

В субботу—ядовито-красная.

В воскресенье—самая разнообразная.

И разнеслась по всему лесу весть: хочешь перекраситься—в Горлицу лезь!

Первым серый Зайчишка примчался. В речку прыг и—назад в тот же миг. Посмотрел на себя зайчишка—стал он бурым, как косолапый Мишка.

—Вот хорошо, никого не буду бояться!

Долго читал объявление Олень и пришёл к речке на следующий день. Постоял, подумал в воду до самых глаз зашёл. Постоял, подумал. И обратно пошёл. Идёт довольный:

—Покрасился ловко! Зелёный цвет—отличная маскировка.

А Лиса-плутовка решила:

—Надоело быть рыжей. Все называют меня бесстыжей, покрашусь-ка я в голубой цвет, скажут: зверя в лесу красивее нет!

На следующий день пришла обратно:

—Покрасилась я как-то неаккуратно! Зайду-ка в речку ещё на минутку.

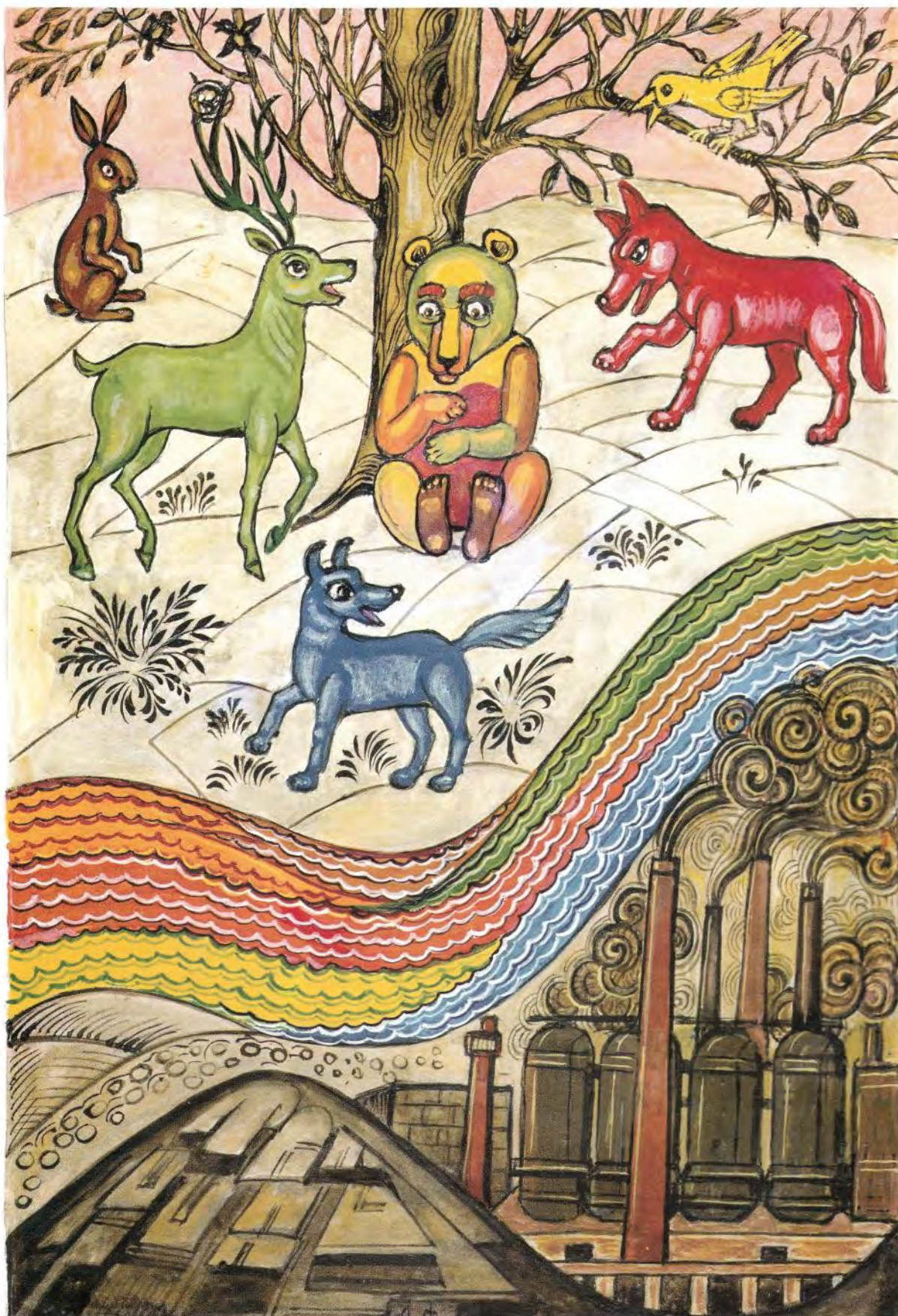
Зашла—и стала синей, аж смотреть жутко.

Старый Ворон себя очень умным считал и потому объявлений никогда не читал. Клевал себе что-то на берегу, да стал пятиться и свалился в воду. А было это в пятницу. Вылез, расправил крылья просушиться, а он уже не Ворон, а какая-то жёлтая птица.

В субботу к речке примчался Волк:

—Что тут дают, не возьму я в толк? Мне тоже положено, чем я хуже? Что нужно делать, братцы? В речке искупаться?

Зашёл в речку, от жадности аж трясётся, вылез на берег краснее закатного солнца.

601277

17

Детская ЦБС
Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк

А Косолапый Мишка проспал всё на свете. В воскресенье проснулся—солнышко светит.

—Искупаться, что ли?—И пошёл к речке, ни с кем не обмолвившись ни словечком. Купается и думает:

—Что за беда? Какая-то странная в речке вода!

И стало на душе у него беспокойно.

—Да что же это делается такое?

Вылез на берег, посмотрел на себя—и чуть в обморок не упал: пёстрым, разноцветным, как майская лужайка, стал. Полез отмываться—да куда там! Стал зверем совсем невероятным.

...Неделя прошла, пролетела другая, собрались звери—что делать, не знают, им бы в Горлице своей отмыться, да всё та же разноцветная в ней водичка.

Плачет Заяц:

—Я бурый слишком, меня пугаются собственные братишки!

Олень промычал:

—Куда это годится? На мне уже начали птицы гнездиться!

А синий зверь, что Лисой был когда-то, простонал:

—Меня не узнают собственные лисята!

Старый Ворон прокаркал:

—Кар-р! Что делать, не знаю—меня принимают за попугая!

Волк прорычал:

—Посмотрите сами: шерсть на мне облезает клоками. За свою же жадность побитый я: краска-то была ядовитая!

Медведь-страшилище голову лапами зажал, сидит и качается:

—Видно, жизнь моя бедная кончается. Время идёт, что же делать мы будем?

Прокаркал Ворон:

—Кар-р! Идёмте к людям. Страшно, конечно, и не очень близко, но я слышал, в посёлке открылась «Химчистка».

...На заре в посёлке распахнулись все двери:

—Смотрите, что за небывалые звери!—Удивляется, пугается народ:

—Что за шествие престранное идёт? Куст зелёный, а в ветвях (вот это да!) ловко спрятаны два новеньких гнезда. Что за чудо, хоть глазам своим не верь: бурый заяц и какой-то синий зверь. За облезлою красною собакою топает жуткое чудовище косолапое. И откуда тут, поди узнай, каркающий жёлтый попугай?

Зашумели люди:

—Что за дикая фантазия? Прекратите сейчас же это безобразие!

Но заплакали в посёлке ребята:

—Чем же бедные звери виноваты?

И решил честной народ:

—Нужно вывезти завод! Перед лесом мы повинны—дыми, завод, в краю пустынном!

...И вернулись звери в лес свой навсегда—снова стала чистой в Горлице вода. Плещутся, купаются, отмываются.

Распрямылись кусты тенистые, засверкали лужайки росистые. Возвратились птицы-забавушки, зеленеет травка-муравушка. Тут тебе и ягоды, и цветы сказочной, невиданной красоты. А под берегом да под кручею в хороводах рыбка плескучая. Можешь целый свет обойти, а прекраснее Горлицы не найти!

Про Егорку

—Зоренька-зорька над степью вставала, травы степные, смеясь, целовала, ветру степному усы щекотала, что-то на ухо ему прошептала.

Ветер проснулся, над степью промчался, свежестью утренней пропитался, ринулся в город и мальчику-крошке сказку степную забросил в окошко.

Далеко-далеко где-то, но не на краю света, на степном пригорке в небольшой норке жил да был с мамой маленький суслик Егорка.

Суслиха на него не может нарадоваться никак:

—Ни у кого нет такого сына! Маленький, миленький, славный Егорка, чуткий и зоркий.

Только весеннее солнце проглянет—он у норы рыжим столбиком встанет. Степью любитесь глупый малышка.

—Ну-ка, домой! Засмотрелся ты слишком!

Но в тёмной норке очень скучно Егорке. Сидит малыш и вздыхает горько.

—Хочется в травке пойти порезвиться, а приходится в норке таиться!

И от грусти такой и от печали начал посвистывать суслик, потихоньку вначале. Понравилось, всё громче и громче свистит: и весело, и время незаметно летит.

Бежала мимо Мышка-норушка, остановилась послушать.

Топал мимо старый крот Федот, остановился и тот.

Мчался мимо степной зайчик, рыжий Талайчик, через голову перевернулся, послушать песенку вернулся.

Суслиха возле норы суетится:

—Мой Егорка научился высвистывать, как птица. У него талант! У него талант! Егорка—будущий музыкант!

А степные жители и рады:

—Нам вот как раз музыканта и надо! Скучно порой в тишине степной!

И вот принёс крот Федот суслику приглашение в отстроенное подземелье на новоселье.

—Посвистишь, гостей моих повеселишь!

Но Егорка не выходит из норки:

—Больно надо! Я—замечательный музыкант и должен беречь свой талант! Хватит мне и своих забот.

Обиделся старый крот.

А у Мышки-норушки свадебный пир в разгаре.

—Что же это мы суслика не позвали? Сидеть да сидеть за столом надоело. Потанцевать бы—другое дело!

Пошли за Егоркой, а он не выходит из норки:

—Больно надо! Я—замечательный музыкант и должен беречь свой талант! Гостей веселить—очень мне нужно!

Обиделась Мышка-норушка.

На другой день пришёл к суслику степной зайчик, рыжий Талайчик:

—Хочу тебя попросить заранее—приходи завтра к нам на соревнование. Просвистишь нам марш к поднятию флага.

А суслик из норки—ни шагу:

—Больно надо! Я замечательный музыкант и должен беречь свой талант! Они будут бегать—а я им свисти! От глупости такой можно с ума сойти.

И сказал ему обиженный зайчишка:

—Что-то, Егорка, зазнался ты слишком. Смотри, не попасть бы тебе в беду!

А суслик в ответ ему:

—Не попаду!

Горько вздыхает Суслиха-мать:

—Ох, несчастья не миновать! Со всеми в степи Егорка в ссоре. И вправду зазнался глупый Егорий!

...И надо же было такому случиться: появилась в степи Лисица. Все звери помогают друг другу от неё скрыться. И только суслик Егорка беспечно насвистывает в норке. Суслиха в гости к соседке ушла, у них там свои дела.

Услыхала Лисица этот посвист весёлый, к норе подкралась, пообедать собралась. Разрывает норку, старается, а Егорка свистит себе, ничего не слышит, ничего не опасается. Того и гляди, когтистая лисья лапа зазнайку сцапает.

Посыпалась тут земля на спинку Егорке, подскочил он, свистеть перестал и помчался запасным ходом из норки. Выскочил—и к кроту Федоту скорей, постучался у его дверей.

Крот Федот не зря был старым, многое на своём веку повидал он. Понял, что беда пришла к Егорке, если уж решился он выскочить из своей норки.

—Лиса навестила тебя, поди? Ну что же, я зла не помню, давай заходи!

Долго потом объяснял он бедняжке, что без друзей жить в степи очень тяжело, нужно друг другу всегда помогать, вместе и радость, и беды встречать.

—Ладно, теперь отдыхай, не грусти, если захочешь—чуть-чуть посвисти!

Свистит Егорка, старается, а песенка не получается. Свист отрывистый и тревожный—всё, что суслик исполнить может.

Крот вздыхает:

—Какая жалость! Видно, песенка в норке осталась. Видно, горюшко-музыкант, зарыл ты в норке свой талант!

С той поры рыжий суслик Егорка очень часто стоит возле норки, маленький, миленький, чуткий, зоркий.

Чуть завидит врага—засвистит тревожно:

—Прячьтесь, жители степные! Будьте осторожны!

...Мальчик мой милый, дружок мой Егорка! Вырастешь—не зарывай талант свой в норку!

Про ворону Акулину

Тише, тише, тише, тише! Дождик бегаёт по крыше. Ветер листьями шуршит. Спите крепко, малыши! Ти-ше! Спи, Танюшка, засыпай! Баю-бай.

У вороны у Акулины собрались гости на именины. Прилетели они на званный обед—Акулине сегодня сто лет!

Соседка Глафира принесла ей кусочек сыра. Чёрный ворон Кирилл ей блестящее колечко подарил. У вороны Варвары—полная сумка всякого товара: тут и старая шляпа, и цветное стекло—считай, Акулина, тебе повезло!

Стала гостей угощать Акулина: веточкой спелой душистой малины, рыбкою свежую, пойманной в речке, да пирогами из собственной печки.

—Ешьте, а я вам ещё принесу!

Клюв воронит Глафира:

—Кроме пирожных и сыра я ем исключительно колбасу!

Ворон Кирилл прокаркал устало:

—Ты винограду хотя бы достала!

—И вообще!—заключила Варвара,—слишком ты мало в гнездо натаскала. Целых сто лет в лесу прожила, а ничегошеньки не нажила! Век тебе в бедности жить суждено, ты не ворона, а горе одно!

Грустные выдались именины у вороны у Акулины.

...День пролетел, а быть может, и год. Однажды проснулся лесной народ:

—Что это? Что это? Что это значит? Солнце слезами кровавыми плачет.

Серую шкурою стелется дым.

—Спасайся, кто может! Бежим! Летим! С пожаром лесным шутить не годится, можно и шкуркою поплатиться!

Каркнула горестно Акулина и полетела в лес за плотиной. Через речку огню не пройти, нет через речку ему пути.

...Новое место—заботы, заботы! Но не страшна Акулине работа. Цепкие лапы и клюв ещё крепок—строит гнездо из поломанных веток да вспоминает родные места.

Только и в этом лесу—красота! Сказочным теремом строятся ели, в солнечном вихре берёз карусели, светлую даль не окинешь и взглядом, речка под боком. Ну что ещё надо?

Трудится Акулина, старается—хорошее гнездо получается. Глядь—на соседней ёлке ворона Глафира:

—Здравствуй, соседка! Что это ты загрустила?

—Плохо мне, Акулина, ну просто беда! От запасов моих не осталось следа. Как теперь жить и чем мне питаться? Или мне век побирушкой скитаться? Трудно, ох, трудно вороне Глафире без колбасы и любимого сыра!

—А как остальные соседи?

—Ох, и не спрашивай! Мало кто выжил из рода вороньего нашего. Ворон Кирилл за побрякушками в пекло полез—и навеки исчез. У Варвары сгорели, пропали все её товары—и от жадности сердце разорвалось. Да и я на свете, считай, не жилица!

—Не вешай крылья, никогда не поздно учиться! Крепкий клюв да цепкие лапы—что ещё вороне для жизни надо? Гнездо тебе дружно построим вместе. Обживешься на новом месте. Научись и рыбку ловить в речке, и пироги печь в горячей печке. Орехов и ягод в лесу—без счета! Можно прожить, только нужно работать. Запомни, Глафира: всегда и везде счастье в труде!

Про мартышку Иришку

Солнышко моё незакатное, внученька моя ненаглядная! Вот и день отзвенел, ветерком улетел. Зорька вечерняя с нами прощается, с ночью встречается. Забирайся-ка в кровать, время сказку почитать!

Не в стране далёкой и жаркой, а в одном зоопарке жила да была мартышка Иришка, злая, завистливая, самовлюблённая мартышка. Никого не любила, не уважала, подружек по клетке без конца обижала.

—Что вы кричите, будто вас режут? Мне отдохнуть не даёте, невежи! Раз я хочу, быть должна тишина! Вас слишком много, а я, вот такая, одна!

Кого угостят—сразу мечется, ищет, где б отхватить вот такую же пищу. А ей вдруг достанется вкусный кусок—в укромный скорее бежит уголок.

—Не стану делиться! Их целое стадо, а мне о себе позаботиться надо!

И всё ей неладно, всё плохо, всё скверно. Чего ей хочется, сама не знает, наверное. Готова, кажется, всех выгнать из клетки.

—Покачайте ветку! Не качайте ветку!

День-деньской без дела слоняется, только ворчит и ругается. Скажут подружки:

—Иришка, нельзя же всех обижать!

А та в ответ:

—Мне на всех на вас наплевать!

Но однажды после солнечного заката всех подружек-мартышек перевели куда-то. Сидит на ветке одна-одинёшенька в клетке Иришка, злая, завистливая, самовлюблённая мартышка. Довольна ужасно.

—Вся клетка—моя. Сама я себе и подружка, и семья. Ни с кем ничего делить не придётся.

А по зоопарку тьма ночная крадётся. А за нею мрак, наполненный шорохом, скрежетом, скрипом и чьим-то всхлипом, и чьим-то криком. Тени злоеющие лезут из мрака.

—Что-то одной мне страшно, однако!

В угол забилась мартышка Иришка, злая, завистливая, самовлюблённая мартышка. Сидит и дрожит, и тихонько плачет. Не всегда хорошо без подружек, значит.

Видит Иришка—мрак в середине клетки сгущается, из мрака страшный! старик появляется: глаза горят, словно угли в ночи, пасть зубами кривыми стучит, рука узлами корявыми свиты, ноги корою гнилою обиты.

—Здравствуй, Иришка!—скрипит Красногляд.—Очень с тобой познакомиться рад. Давно насолить я мечтаю людишкам. Для этого дела подходишь ты слишком. Хочу я в колдунью тебя превратить, чтоб чёрную зависть по свету пустить. Отныне ты станешь бессмертной старухой и будут тебя называть Завидухой. Чему позавидуешь—всё заимеешь. Лишь счастья себе ты добыть не сумеешь. Кого ни коснёшься—завистливым станет, от зависти чёрной досрочно увянет.

Шагнул ей навстречу:

—Иди же поближе! Ты думаешь, там я тебя не увижу? —Корявую руку вперёд протянул.

Иришка послушно пошла к колдуну. А тот засмеялся, ударил мартышку—навек пропала, исчезла Иришка.

...Бродит по свету с тех пор Завидуха, жадная, злая, самовлюблённая старуха. Не год и не два—может, тысячу лет. Ни счастья ей нет, ни покоя ей нет.

Коль встретишь её—обходи стороною с оглядкой и помни: завидовать, внученька, гадко!

Сёмка-Бурундук и его большой сундук

Тихий вечер спать ложится. Спят давно твои игрушки. На бочок ложись, Танюшка, сказку слушать!

В том лесу, где солнышко встаёт, там, где кедры выстроились в круг, в очень-очень давние года жил беспечный Сёмка-бурундук. И был у него большой сундук.

Только зорька глазоньки протрёт—на работе весь лесной народ: за семечком, за зернышком, орешком и грибком—бегом!

Скоро-скоро придут холода, без запасов зверюшкам беда!

Сёмка тоже хвостиком тряхнёт, чёрными полосками мелькнёт—и в поход. Принесёт добычу бурундук—и в сундук.

Поучала Сёмку мама когда-то:

—Очень важно быть аккуратным. Каждое семечко вылуци, каждое зёрнышко высуши, каждым орешком дорожи и всё-всё по кладовочкам разложи!

Но Сёмке та наука впрок не идёт, кидает всё как попало в сундук—и так сойдёт!

Как-то вечером злым и ненастным Сёмку просит птенец голенастый:

—Сёмка-Сёмочка, дай мне семечко! Я случайно упал из гнезда, есть охота—ну просто беда!

Был нежадным Сёмка-бурундук, с радостью полез он в свой сундук. Роет роет—право же смешно: попадается одно зерно! Наконец, помаявшись немало, семечко еловое достал он. Выполз из норы совсем без сил, а птенца давно уж след простыл. Видно, дятлы крошку своего нашли и вернуться в гнёздышко помогли.

Долго думать Сёмке недосуг—наполняет Сёмка свой сундук. Хвостиком тряхнёт, чёрными полосками мелькнёт—и в поход.

Ранним утром росистым, холодным он столкнулся с мышонком голодным:

—Сёмка-Сёмушка, дай мне зёрнышко! Я забыл к своей норке дорожку, поделись же со мною немножко!

Был нежадным Сёмка-бурундук, с радостью полез он в свой сундук. Ищет, роет—ему, как на грех, попадается только орех. Наконец-то откопал одно, так необходимое зерно. Выскочил из норки—вот беда! А мышонка нет уж и следа.

Долго думать Сёмке недосуг—наполняет Сёмка свой сундук. Хвостиком тряхнёт, чёрными полосками мелькнёт—и в поход! Всё спешит, спешит, спешит, спешит. Вот сундук уж доверху набит.

Скоро грянет зимушка-зима—проверяйте, звери, закрома!

Сёмка готовится к долгому сну. Вышел с солнышком проститься, посмотрел на сосну, а там рыжий бельчонок:

—Сёмушка-Сёма! Попал я в беду! Поделись орешком, а то пропаду. Я от страшного зверя бежал, я устал и от мамы отстал!

Был нежадным Семка-бурундук, с радостью полез он в свой сундук. Посмотрел—наверху одни семена, провалились орешки до самого дна. Бился Сёмка, бился—устал, лапой махнул—и спать завалился.

...Отплясали метели, холода отзвенели. Пришла весна. Стало Сёмке не до сна. Проснулся бурундук—и скорее в свой сундук, а там...

—Где мои семечки? Где мои зёрнышки? Где мои орешки? Что с ними стало? Всё погнило, всё пропало! Поленился, кидал всё в кучу и дожил до беды неминучей!

Выскочил Сёмка из норы. А в лесу-то ещё холодно, а в лесу-то ещё голодно! Увидел большую птицу—птица в дерево стучится.

—Добрый дятел, как мне быть? Как до лета мне дожить? Я не ел уже давно—сбрось мне семечко одно!

—Сёмка-дружок, а ты мне помог?

Побежал бурундук на опушку и увидел мышку-норушку.

—Мышка, мышка, как мне быть? Как до лета мне дожить? Я не ел уже давно—дай мне зёрнышко одно!

—Сёмка-дружок, а ты мне помог?

Бурундук не рад весне, подбежал к большой сосне. По сосне то здесь, то там белка скачет по ветвям.

—Белка, белка, как мне быть? Как до лета мне дожить? Ты живешь богаче всех—сбрось мне маленькой орех!

—Сёмка-дружок, а ты мне помог?

Заплакал Сёмка:

—Я ведь не жадный, я просто очень неаккуратный.

И решил лесной народ: «Не поможем—пропадёт! Он и впрямь нежадный, Сёмка-бурундук. Виноват во всём его большой сундук!».

Только ли сундук, как ты думаешь?

Про муравьишку, забавного малышку

День усталый поспать за горушку прилёт. Первой звёздочки в небе горит огонёк. Колыбельную ветер тихонько поёт. Спи и ты, ненаглядное счастье моё!

Устала Матушка Зима, отдохнуть собралась, в лесной овраг забралась. Давно пора на север ей отправляться, да Весну поджидает, не может дожидаться. А вокруг-то снег потихоньку тает. Травинки высунули из земли зелёные носики. Из муравейника выползли сонные муравьишки.

Но Весна, ветреная красавица, в наши края что-то не торопится, не собирается.

—Слетаю-ка я к южному морю ещё разок, хоть на часок. Я с ним не простилась.

Улетела—и загостилась.

Зима такой задержке не рада, рассердилась, сыпанула снегопадом, запуржила, молодую травку холодом опалила.

—Бр-р-р—сказал Муравьишка, веселый мальчишка.—Что-то холодно слишком.

И плотно-плотно в муравейник дверцу захлопнул.

—Непорядок!—вздохнула Лесная Царица.—Это никуда не годится! Крассотка Весна загуляла где-то, а без неё не будет и лета.

Старый ворон Сафрон, дедушка всех ворон, невесело прокаркал с ели:

—Ох, до чего ж холода надоели! Придётся, видно, отправляться за границу, разыскивать Весну-баловницу.

...Наконец-то Весна сияющей птицей в родные края прилетела, ручейками весёлыми зазвенела, прощения у Матушки Зимы попросила, волшебную палочку от неё получила.

Зацвели сады, запестрели лужайки цветами чудесными, лес зелёный наполнился птичьими песнями. Запорхали бабочки, а жучки и весёлые муравьишки побежали-потопали по своим делишкам.

Так бы бесконечно и продолжалось всё это, да пора уже, пожалуй, явиться и Лету, а его всё нету и нету.

Удивляется Лесная Царица:

—Что такое на белом свете творится? Вот теперь у нас загостилась Весна-баловница.

Отыскала Весну:

—Что же это, всё не является Лето?

—Я бы и рада его позвать, да должна палочку волшебную ему передать, а я потеряла её где-то. Над полянками танцевала, кружилась, голова у меня закружилась. Обронила палочку на бегу, а теперь найти не могу. В густую траву упала, видно. Искала, искала её—всё напрасно. Обидно.

Лесная Царица, помолчала немножко:

—Не грусти! Нам помогут весёлые крошки: жучки, кузнечики, бабочки, муравьишки—в траве проживающие малышки. А ну, луговой народ—вперёд!

... Муравьишка, забавный мальчишка тоже решил Весне помогать волшебную палочку искать. Побежал по своей муравьиной дорожке—только засверкали ножки. А за ним и Яшка-букашка, полосатая рубашка.

Торопятся малыши, а навстречу им кузнечик-упрыганчик, зелёный кафтанчик:

—Куда, мелюзга, спешите, народ луговой смешите? Вам ли за дело такое

браться? И до края поляны не сумеете вы добраться. Ну а я везде пропрыгаю обязательно, я такой зелёный и замечательный!

И исчез.

Постояли друзья немножко, побежали дальше по муравьиной дорожке.

Голубая Бабочка на травинке сидела, на друзей глядела.

—Какие славные малышки! Только уж маленькие слишком. И куда пролезают ваши пути?

—Мы волшебную палочку хотим найти.

—Неужто решили за дело такое взяться?

Муравьишка в ответ:

—Муравей никакой работы не должен бояться!

—Ну что же, помочь вам буду я рада, малышам всегда помогать надо. Идите за мной, я знаю, где эта пропажа, я на ней подремать успела даже. Долечу—над тем местом буду кружиться, на цветы не буду садиться. Только долго крылышками махать не стану, быстро устану.

Полетела Бабочка, а Муравьишка и Яшка-букашка за нею торопятся—а вдруг не успеют. С разбегу на что-то огромное и блестящее наткнулись, но-сишками уткнулись.

—Ничего себе палочка!—сказал Муравьишка.—Пожалуй, великовата слишком. Давай попробуем её понести!

—Ох,—сказал Яшка-букашка, полосатая рубашка.—Я в этом деле тебе не помощник, прости!

Застыдился и бочком-бочком за кочкой укрылся.

—Не донесу!—засомневался муравьишка что-то.—Но я не должен бояться никакой работы. Вперёд! Смелей! Ведь я—Муравей!

Лапками волшебную палочку толкнул—она не сдвинулась с места, не покатилась, а в соломинку тоненькую превратилась.

Ухватил Муравьишка соломинку, потащил, а куда идти—не знает. Одуванчиковый лес его окружает. В одну сторону кинется—конца-края лесу этому не видно, в другую тянет, старается—и там то же самое. Вот обидно! Сел и заплакал.

—Я так старался—и всё напрасно. Где же ты, где ты, Лето Красное? Я волшебную палочку для тебя несусь, да заблудился в одуванчиковом лесу!

Добрые ладони раздвинули траву. Лето улыбнулось, к Муравьишке нагнулось, горячим пальцем соломинки коснулось. И она вдруг засветилась—в волшебную палочку превратилась.

Поклонилось Лето Красное Муравьишке низко-низко:

—До чего же ты славный, малышка! Что бы хотел получить ты в награду?

—Мне ничего не надо! Только вот заблудился я немножко, не могу найти муравьиную дорожку.

—Южный ласковый Ветер!—позвало Лето.—Прокати-ка его на листочке вот этом! До родного муравейника донеси малышку! Счастливого пути тебе, Муравьишка!

Про золотые чешуйки

Смотри-ка, девчушка, волшебная у тебя подушка. Ложись скорее и прижми к ней ушко. Тише! Тише! Тише! Сказка торопится, слышишь?

Жил да был в речке карп Поликарп зеркальный, не простой, да ещё и с одной чешуйкою золотой. Плавал по речке степенно и важно, чтобы чешуйку увидел каждый. Считал: раз в золоте—очень крутой и, значит, будет во всём ему удача.

А навстречу ему Ивасик, весёлый карасик, несётся радостно и беспечно, словно танцует в воде быстротечной.

—Чему ты, глупый мальчишка, рад? Бесцветен и беден твой скромный наряд. Куда ты несёшься? Постой, погоди! А ну как беда тебя ждёт впереди?

—Пусть так, но я точно знаю: прекрасна дорога речная. И мне не нужны украшения. Отрада моя—движение!

—Движенье... движенье... движенье, вода,—ворчит Поликарп.—Это всё ерунда! Какая мне радость в этом? Мне бы чешуек побольше золотистого цвета!

—Золото любишь?—выплыла щука.—Достать его—не хитра наука. Если хочешь, я тебя научу.

И Поликарп радостно:

—Конечно, хочу!

Чёрный Рак, чудак одинокий, высунулся из норки глубокой.

—Не верь ей! Страшнее нет в речке врага! Щука—речная Баба Яга. И ужасно зубастая притом.

—Ну и что?—Поликарп отмахнулся хвостом. Твердит, как всегда:

—Это всё ерунда! Зато любое дело ей по плечу. А я золотые чешуйки достать хочу.

Чёрный рак, одинокий чудак, только клешнями развел:

—А ты, похоже, речной осёл!

...—Значит так!—заметила важно Щука.—Далеко не бесплатная эта наука. Я, конечно, тебя, Поликарп, научу, но сначала позавтракать очень хочу. Где-то тут болтается глупый карасик, беззаботный Ивасик. Отправляйся и срочно его найди, обмани и на завтрак мне приведи!

А сама размышляет с усмешкой:

—Плыви, плыви, дурачок, не мешкай! Хоть ты в общем-то карп симпатичный, обед из тебя получится отличный. Не зря прозываюсь речною Бабой-Ягой—и завтрак, и обед себе чудесненько устрою!

Поплыл Поликарп в речную даль. Плывёт и думает:

—Что-то Ивасика жаль. Да очень уж золота хочется, вот беда! А впрочем, всё это ерунда! Не сегодня, так завтра сожрёт его Щука, а мне так нужна её наука!

Беспечный карасик, веселый Ивасик, за подружкой гонялся, в любви ей объяснялся.

—Ты так прекрасна, моя подружка, краснопёрая Карасюшка! Я—твой слуга! Всё, что хочешь, проси!

А Поликарп ему:

—Золото ей принеси! Тебе о том не напрасно толкую—одень её в чешую золотую. В твою любовь поверит тогда. Иначе слова твои—ерунда!

Карасик остановился резко:

—За золото покупать невесту? Не слишком ли глупая это цена? Такая невеста мне не нужна!

—Спроси того, кто тебя поумнее. Щука тебе объяснить всё сумеет. Давай, не робей, поплыли к ней!

Чёрный Рак ухватил карасика клешнёю за хвост:

—Незачем задавать Щуке этот вопрос. Тоже мне, нашли ценительницу невест! Да она тебя, Карасик, просто-напросто съест. Плыви, веселый малыш, к Карасюшке, краснопёрой подружке, она тебя любит и так!

—Спасибо, дяденька Рак!

...Заметался карп Поликарп, запыхтел, боками зеркальными заблестел.

—И что ты, отшельник, лезешь не в свои дела? Радуйся, что твоя голова цела. Залезай в нору и сиди себе тихо. Приплывёт Щука—будет тебе лихо.

А Щука—вот она, на помине легка.

—Что-то я завтрака не вижу пока! Видно ты, Поликарп, старался не слишком и сбежать от тебя сумел карасишка. Ладно, тайной с тобой поделюсь, не обижу. Подплывай ко мне ближе! Ближе! Ближе! Золотые чешуйки хочешь найти? Глаза закрой и считай до пяти!

И пропасть бы глупому карпу, непременно пропасть: совсем уже рядом зубастая щучья пасть. Но Чёрный Рак, добрый чудак, защемил клешнями щучий хвост, словно к нему прирос. Вертится Щука, пытается справиться с раком сама. И такая в речке поднялась кутерьма, что разбудили они Дедушку Сом.

Дедушка Сом, усатый мудрец, заворчал:

—Угломонитесь вы, наконец? Ударю хвостом—не покажется мало!

Драчуны кинулись, куда попало.

Плывет карп Поликарп и печально вздыхает:

—Вот ведь неприятность какая! Хотел в золотистых чешуйках покрасоваться, а приходится с единственной оставаться!

Но что-то внезапно блеснуло совсем рядом.

—Золотинка! Ура! Вот её-то мне и надо!

Кинулся на блесну дурачок—и попался на рыболовный крючок.

Сгинул карп Поликарп в одночасье. Золото не приносят счастья!

Пребольшущее спасибо

Спит простынка, спит подушка, одеялко крепко спит. Закрывай глаза, Танюшка, слышишь, вечер говорит:

—Глазки закрываются—сказка начинается.

Засыпай же, мой звоночек, крепко, сладко. Доброй ночи!

Кисонька Мурысенюшка, ласковая кисонька, летним утром рано-рано тихо спрыгнула с дивана, потянулась раз-другой, спинку выгнула дугой, с блюдца воду попила и во двор гулять пошла.

На дворе дремал Барбос, под скамейку спрятав нос. Был он худ, как тень собаки, весь ободран после драки, весь в колючках и пыли, будто двор им подмели.

Кисонька Мурысенюшка, ласковая кисонька, пожалела сорванца, в кухню тихо прошмыгнула, кость с тарелки утянула и кусочек холодца. Положила прямо к носу мирно спящему Барбосу и скорее напрямик—в двери шмыг!

Нос собачий удивился и слегка пошевелился:

—Что за запах, нюх-нюх-нюх, аж захватывает дух!

Подскочил Барбос упруго, сон стряхнул с помятой шубы, холодец за бок схватил, сразу—ам!—и проглотил. Долго костью любовался, повздыхал и грызть принялся, и от кости (вот беда!) не осталось и следа.

—Интересно!—тявкнул пёс.—Кто мне всё это принёс? Пребольшущее спасибо я хочу ему сказать, только кто он, как узнать?

Во дворе среди тёплой пыли куры дружно землю рыли: удивительно сладки дождевые червяки!

—Кто из вас,—спросил Барбос,—мне в подарок кость принёс? Пребольшущее спасибо я хочу ему сказать. Только кто он? Как узнать?

Раскудахтались пеструшки:

—Ко-ко-ко, да куд-куда! Это что за ерунда? Мы ко-кости не едим! Не мешай нам! Уходи!

Дальше пёс Барбос бежит—у канавы утка спит.

—Не видали,—тявкнул пёс,—кто мне косточку принёс? Пребольшущее спасибо я хочу ему сказать. Только кто он? Как узнать?

Прокряхтела сонно утка:

—Кря-кря-кря! Смешная шутка!

И устроилась опять спать.

Огорчился пёс Барбос:

—Кто ответит на вопрос? Разущу-ка индюка! Эта важная персона знает всё наверняка.

Но индюк, спесивый барин, был в то утро не в ударе, на Барбоса не взглянул, важно к дому повернул.

А несчастный пёс от горя дырку отыскал в заборе, по чужому, по двору да в собачью конуру.

Пёс Полкан оскалил зубы:

—Ты пошто ворвался грубо? Мало я тебя лупил? Или всё уже забыл?

—Ах, Полкан, ты прав, я знаю, но поверь мне—пропадаю! И хоть мы с тобой враги, мне, Полкаша, помоги! Не даёт житья вопрос—кто мне косточку принёс? Пребольшущее спасибо я хочу ему сказать. Только кто он? Как узнать?

—Ах ты, глупый пёс Барбос? А зачем собаке нос?

Пёс Барбос бежит назад, нос суёт во всё подряд: от кадушки пахнет тинной, от метёлки—паутиной, от бидона—молоком, от золы—чуть-чуть дымком,

и никак не пахнет жук. Всё не то, не то! И вдруг—нос собачил удивился, радостно зашевелился:

—Что за запах, нюх-нюх-нюх, аж захватывает дух!

Спит на солнце кошка Мурка, пахнет косточкою шкурка.

—Неужели?... Быть не может!... Чтобы кошка—мне? И всё же... Слушай, Мурка,—тявкнул пёс,—кто мне косточку принёс?

Кисонька Мурысенька, ласковая кисонька, потянулась раз-другой, спинку выгнула дугой и спросила:

—Как дела? Вкусной косточка была?

—Ты же кошка! Как же так? Ведь тебе я злейший враг! Должен я тебе спасибо преобладающее сказать. Как теперь мне поступать?

Ах, Барбоска, глупый пёс! Зря ты задал свой вопрос. Быть врагом никак не может тот, кто косточку принёс!

О потерянном слове

Какое небо голубое и чистое, солнышко ясное и лучистое! Это явилось лето в зелёной карете, рассыпало цветастое весёлое чудо. Ну а сказки—да они же повсюду! Присядь на скамеечку в парке, помолчи немножко—и ветер-проказник положит одну из них тебе на ладошку.

Мальчик Кирилл куда-то вечно спешил. Всё вприскок, всё вприпрыжку—ну просто сверчок, а не мальчишка! И вот однажды, днём летним и жарким, сидел Кирилл с бабушкой на скамеечке в парке. Угостила его бабушка мороженым, он его сразу—в рот и жуёт.

Обиделась бабушка:

—Ты ведёшь себя некрасиво!

А Кирилл ей:

—Ну вот, опять пристала: скажи да скажи «спасибо»! Надоело! Хоть бы это слово навсегда пропало!

Вскочил, засмеялся и не заметил, как что-то на скамейку упало. Поскакал по дорожке на одной ножке.

Ворона Земфира всё подбирать любила. Что ни сверкнёт, что ни блеснёт—схватит и в гнездо унесёт.

Говорил ей мудрый ворон Кузьма:

—Это привычка скверная весьма! Не хватай что попало, глупая птица, а то может беда приключиться!

Да чужая наука кому впрок идёт? Куда интереснее делать всё наоборот!

Что-то странное увидела на скамейке Земфира, в клюв ухватила и нечаянно проглотила. На дереве примостилась, крылышки расправила, думает: «Клюнула—и правильно! Ничего же не случилось?»

Захотела каркнуть раскатисто так, красиво: "Каррр! Каррр! Каррр!", а получилось:

—Спа! Си! Бо!

Вот ужас! Вот кошмар!

Ещё и ещё раз каркнуть пытается, старается так, что искры из глаз, а получается:

—Спа! Си! Бо!

Вот тебе раз!

Вернулся домой Кирилл, проголодался, есть запросил. Накормила его мама. Он из-за стола встал.

—Ты что-то не сказал, сынок!

Кирилл рот раскрыл, но только и смог:

—Каррр! Каррр!

Какой кошмар!

Уронила мама от удивления посуду. Плачет сынишка:

—Я больше не буду! Я понял, что вёл себя некрасиво, надо всегда говорить... Каррр! Каррр!—опять получается вместо «спасибо».

—Ну, вот что!—мама Кириллу сказала.—Я от твоих безобразий устала. Хочется каркать—ступай себе в парк поскорее, рядом с воронам будет тебе веселее!

Отправился в парк Кирилл. А на улице душно, жарко—ну и денёк! Пошёл искать тенёк и забрался в самый дальний уголок парка.

Сидит под деревом на травке мальчишка унылый, а на дереве сидит унылая ворона Земфира. Вздыхает тяжело, бедняжка. Ну хоть разочек каркнуть хо-

чет, услышать родное «карр, каррр, каррр». Клюв раскрыла, а оттуда снова:

—Спа! Си! Бо!

Снова этот кошмар! Ну кому же это понравится?

Подскочил Кирилл, на ворону уставился:

—Отдавай моё слово, злодейка! Я его нечаянно обронил на скамейке! Я тебе «Каррр, Каррр, Каррр» скажу большое-пребольшое!

Теперь подскочила на ветке ворона:

—Что я слышу такое? Моё любимое! Моё родное! Давай, давай меняться скорее!

А с дерева мудрый Ворон Кузьма:

—Это сделать непросто весьма! Знаете ли, как поступить вам нужно? Встаньте рядом, пожмите друг другу лапы, скажите «Спасибо» вместе и дружно!

Сел мальчишка на травку, Земфира рядом с ним примостилась, сделали, как ворон сказал,—и всё получилось.

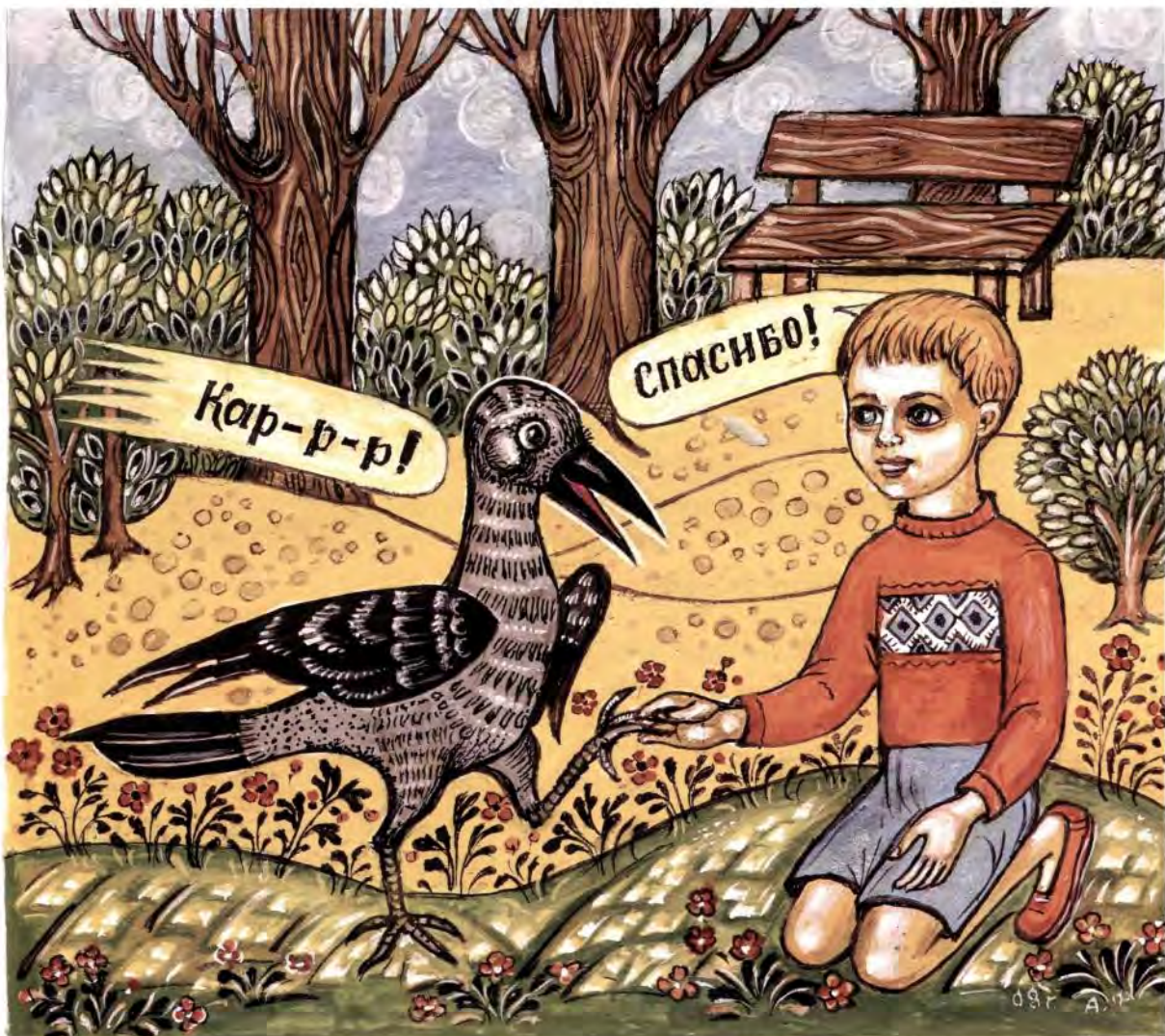
Бежит Кирилл домой и кричит:

—Спасибо тебе, мудрая птица!

А ворон Кузьма ему:

—Запомни: слова бросать на скамейке не годится!

Закончилась сказка светло и красиво. Тому, кто читал и слушал—спасибо!

Про кота Василия и кошку Василису

Вот и месяц, мой дружок, позолоченный рожок, заглянул в окно украдкой. Наша девочка в кроватке. Глазки закрываются—сказка начинается.

Жили-были не далеко и не близко в одной деревне Василий-кот и Василиса-киска. Жили мирно и тихо, но однажды дознались, что их предки персидскими кошками прозывалась. И зазнались. И загордилась. И заленились.

—Мышей ловить? Ну уж нет, не наше это дело, пусть их ловит всякая полосатая серость! А мы—кошки благородные, к такой работе не пригодные. Нам бы еду повкусней да получше наряды. А работать? Ну нет, этого нам не надо!

Билась с ними бабушка Ненила, билась, да и рассердилась.

—Ах, чтоб вам пусто было! Куда хотите, с глаз моих идите! Скатертью вам дорожка! А я заведу себе обычную полосатую кошку.

И вот идут по лесной дорожке Василий-кот и Василиса-кошка. Кругом красота-то какая! Царица Осень по лесу гуляет, в золотые косынки берёзки одевает, наполняет шорохом лесные дорожки, дарит калинам рубиновые серёжки.

А на пенёчке сидит в тенёчке дедушка Леший, пятернёй бороду чешет, удивляется:

—И что это домашние кошки по лесу шляются? Что им в деревне своей не сидится? Ох, и слопают их рыжая бандитка Лисица!

И видит: спешит по лесной тропинке Бабушка Ёшка, несёт в корзинке старые ботинки ему в починку.

—Старая, погоди-ка немножко! Не нужны ли тебе случайно кот и кошка?

—Давно я думаю об этом сама. Мышей у меня развелось—просто тьма!

Отдала Лешему ботинки, свистнула, топнула—и уже Василий и Василиса у неё в корзинке.

В избушке у Бабушки Ёшки герань на окошке, на кровати—пуховая подушка, в часах—беспокойная кукушка. Помело и ступа у самых дверей.

—Ну, усатый народ, заходи-ка скорей! Я вам обещаю—скучать не придётся, работа для вас непременно найдётся. Мышей—сколько хочешь. Пируй на здоровье!

—Дала бы нам лучше сметанки коровьей! Не видишь—кошки мы благородные, к такой работе совсем не пригодные? Нам бы еду повкусней да получше наряды. А работать? Ну нет, этого нам не надо!

—Ишь, какие!—удивилась Бабушка Ёшка.—Ну ладно, посидите пока у окошка, я кастрюлю почищу...

Насторожились кошка с котом:

—А что ты будешь делать потом?

Ухмыльнулась старая:

—Потом... Потом развлекусь немножко: приготовлю суп с котом и окрошку с кошкой.

Кот Василий в ужасе подскочил, через кошку Василису перескочил. Рванулись они домой поскорее. А за ними торопится избушка на курьих ножках, Бабушка Ёшка сидит у окошка, грозит огромною поварёшкой и от смеха млеет.

Как две стрелы, пронеслись беглецы сквозь чащи дремучие, ободрали шкурки свои об ветки колючие, на дорогу выскочили, домчались до поворота и со всего маху ударились мордочками в знакомые ворота.

—Пусти нас, хозяйка! Пусти! Прости нас, хозяйка! Прости!

Бабушка Ненила вышла, ворота приотворила, увидела Василия и Василису, да во двор их не пустила.

—Уходите! Вы—кошки благородные, к обычной работе кошачьей не пригодные!

Василий и Василиса плачут:

—Прости нас! Теперь всё будет иначе!

Бабушка Ненила доброю была, их простила, на руки взяла.

—Не пойму мордочки ваши стали необычными отчего-то!

—Мы ими изо всех сил ударились об ворота!

Вот с той-то поры и на все века у кошек персидских мордочки приплюснутые слегка.

Про добрую воду

Плачет ветер-сиротинка, тихо падают дождевики, оставляет на окошке дождик мокрые дорожки.

Не грусти, моя малышка! Мы с тобой достанем книжку, сказку новую найдём, в сказку добрую войдём.

В небольшой избушке на краю деревушки жила да была старушка Марфушка, маленькая, работающая, опрятная, очень-очень добрая и приятная. На всех детей в деревне хватало у неё ласки, а вечерами рассказывала она ребятишкам сказки.

Но пришла в деревню старуха Злорада, чужой беде рада. Постучала к Марфушке костлявой рукой.

—Хозяюшка, двери открой! Пусти меня отдохнуть на часок!

—Заходи, гостьей будешь! Я поставлю чаёк. Наверное, дорога твоя была длинной. Угощу тебя пирожками с калиной.

Зашла Злорада. Костлявой рукой прикоснулась к Марфушке—и крепко-крепко уснула старушка.

—Явись, мой друг, зловещий ночной паук! Раздайся, Мизгирь, в высоту и в ширь, ухвати старуху в мохнатые лапы, в своё подполье её зацапай! Пусть со своей добротой сердечной спит в паутине твоей бесконечно!

...Куда исчезла Марфушка—никто не знает. Другая старуха в избушке её проживает. Но стала избушка совсем иной—обходят дети её стороной.

Упал на деревню туман седой. В деревне теперь беда за бедой. Старуха Злорада этому рада.

—У соседей ваших несчастье? Так им и надо!

Люди чужому горю радоваться стали, друг другу помогать перестали. Стала деревня скучной и неопрятной, в такой и жить-то не очень приятно. Солнце заглядывать в эту деревню не хочет. Седой туман лежит вокруг днём и ночью.

—Ну, нет!—решила Катюшка-хохотушка.—Я не могу без солнца и без песен. От житья такого разведётся плесень. Придётся, пожалуй, сегодня провести доброго лесного деда Всеведа.

...Дед Всевед сидел на пеньке на опушке, мастерил детишкам игрушки, да вдруг увидел Катюшку-хохотушку.

—Что, внученька, такая грустная идёшь, не хохочешь и не поёшь?

—Ах, дедушка, я жизни не рада. Поселилась в деревне у нас старуха Злорада, чужой беде рада. Стали люди злыми, кругом туман да слякоть. Какие тут песни? Впору заплакать.

—Страшные вещи рассказываешь мне ты. Не осталось, видно, в деревне у вас доброты. Придётся тебе за нелегкое дело браться—за доброй водой отправляться.

—О живой и мёртвой воде по всему свету весть. Значит, дедушка, и добрая вода тоже есть?

—Есть, конечно, но люди об этом не знают. Чаща лесная волшебную чашу скрывает, а в ней—добрая вода до самого края. Принеси ведёрко водицы той да Злораду как следует ею умой—увидишь, что будет. А потом разыщи старушку Марфушку—и доброта вернётся к людям. Не теряй времени и не бойся напрасно—лес, хранящий доброту, не бывает опасным.

... Вернулась Катюшка-хохотушка домой, ведёрко взяла и добрую воду искать пошла.

Долго по лесу она бродила, да нечаянно в болото и угодила. Только хотела на помощь звать, кто-то её за шиворот—хватит. Тащит девчонку Медведь из болота, да она не радуется отчего-то. Громадные когти, мохнатые лапы...

—Ты меня съесть хочешь, дедушка Косолапый?

—Придумала тоже! Не злой я совсем, и глупых девчонок я вовсе не ем. Просто не мог в беде не помочь.

Заворчал—и потопал прочь.

Всё бродит по лесу девчонка без толку и вдруг увидела Серого Волка. Ведёрко бросила, забралась на ёлку. Волк засмеялся:

—Слезай, подружка! Ведь ты же не ёлочная игрушка. И хоть по делам вообще-то бегу, но всё же, поверь, чем смогу—помогу!

Спустилась на землю Катюшка несмело, ведёрко взяла, на пенёчек присела.

—Должна я забраться в лесную чащу, должна отыскать там волшебную чашу, наполнить ведёрко волшебной водицей...

—Помочь тебе сможет Красотка Лисица. Пойдём, я тебя до норы провожу.

—Да я уж давно рядом с вами сижу. Могу проводить я в лесную чашу, могу показать я волшебную чашу. Да только водица в ней с давнего века для доброго спрятана человека. Если недобрый к ней подойдёт—сразу под землю чаша уйдёт. И уж тогда, не взыщи, понятно—с пустым ведром он уйдёт обратно. В лесу же случится большая беда—уйдёт доброта из него навсегда.

Катюша заплакала:

—Я ведь не знаю, хорошая я или плохая?

И тут с сосны закричала Сорока:

—А мне в деревню слетать недалёко! Мигом слетаю, узнаю и всё расскажу.

Вздохнула Катюшка.

—Я на пенёчке пока посижу.

Скоро Сорока вернулась обратно.

—Новость моя будет очень приятной. Девчонка—что надо! Веди её к чаше, Лисица, пусть наберёт она доброй водицы!

Идёт Катюшка домой, напевает песенку. А водичка с ведёрка: кап! кап! кап!—капает весело. И там, где упала капелька доброты, распускаются невиданные цветы.

Вот и деревня. Вот и избушка, в которой жила старушка Марфушка. Постучала в калитку Катюшка.

—Выходи, Злорада! Мне с тобою поговорить надо!

А сама спрятала ведёрко с волшебной водой.

Вышла старуха, улыбается.

—Ну, с какой пришла бедой?

Засмеялась девчонка звонко, плеснула Злораде в лицо добротой—и вдруг не стало старухи той. Стоит у ограды лохматая ёлка.

Зашла Катюшка в избушку.

—Ну и дела! Какая грязь!—Всё помыла и прибрала, на лавку села, думает:

—Где же Марфушку искать-то надо? Куда запрятала её Злорада?

Заглянула в подполье.

—Ух, темнотище!

Свечку зажгла, хотела спуститься—навстречу ей паучище, громадный, страшный и злой-презлой. Плеснула на него девчонка доброй водой.

Подобрал паучище лохматые лапы, на землю упал—и пропал.

К паутине скорей подбежала Катюшка, смотрит—в ней крепко спит старушка Марфушка. Поднесла девчонка к губам её с доброй водицею кружку. Марфушка глотнула, Марфушка вздохнула, паутину порвала, на ноги встала.

—Ох и долго же я спала!

...Живёт в избушке, на краю деревушки старушка Марфушка, маленькая, работающая, опрятная, очень-очень добрая и приятная. На всех детей в деревне хватает у неё ласки, а вечерами рассказывает она сказки.

Доброта вернулась—и деревня словно от тяжкого сна очнулась.

Улыбаются люди друг другу при встрече:

—Доброе утро!

—Добрый день!

—Добрый вечер!

Вот и солнышко ласково смотрит с небес. А Катюшка-хохотушка рассказывает подружкам, как ходила она за доброй водою в лес.

Про Чечётку, воробьиною тётку

Тихий вечер, тёплый вечер, ночь идёт тебе навстречу. Спать устроились игрушки на диванную подушку. Книжки спят на книжной полке, в дверь вползает тишина. Раздевайся потихоньку, ты ведь тоже спать должна!

Птица Чечётка, воробьиная тётка, скромница таёжная, птица осторожная, к племяннику в столицу в гости прилетела, рядом с ним на ветку села.

—Здравствуй, племянничек! Чив-чив-чив! Я тебя навестить решила, очень спешила, гостинцы таёжные еле дотащила. Вот тебе калина, вот тебе малина, вот тебе орехов полная корзина. Угощайся, Чвик, угощайся, не стесняйся, племянничек, не стесняйся!

А воробей ей в ответ:

—Ничего хорошего в твоих подарках нет! Зря тащила гостинцы таёжные—куда вкусней крошки от пирожного!

Бедная Чечётка, воробьиная тётка! Смотрит невесело, клювик повесила, нахохлилась на ветке и пожалела, что в гости к племяннику прилетела.

А вокруг шум, суeta и грохот. Сидит Чечётка на ветке и охает.

—Ох, видно, затеяла я не дело—посмотреть столицу захотела. Какой же ты, Чвик, воробей отважный!

А тот по веточке выхаживает этак важно.

—Мы—такие, мы—городские, ко всему привычные, воробьи столичные. А с тобой, деревенщина, стыдно будет на улице мне показаться. Придётся тебе поутру в свой лес убираться.

Бедная Чечётка, воробьиная тётка!

...Тихо ночь спустилась на пыльные крыши. Сонный ветер листву на ветвях чуть колышет. Угомонилась воробьиная стая, успокоилась, засыпает. Только слышит Чечётка, птица таёжная, очень осторожная—кто-то к ним подползает, чёрная тень в лунном свете мелькает.

—Чив, чив, чив!—закричала Чечётка тревожно. —Не спите! Так и смерть свою проспять можно!

С шумом взлетела воробьиная стая, над деревом покружилась, ничего не заметила и назад опустилась. Бедную Чечётку ругают.

—Этой деревенщине, неизвестно что, мерещится. Чуть где треснет сучок или лист шелохнётся—она уже от страха трясётся, не то что мы, ко всему привычные воробьи столичные. С ней рядом ночевать—одни слёзы. Пусть убираться на соседнюю берёзу!

Но Чечётка одна на соседней берёзе ночевать побоялась, просто на верхнюю ветку забралась.

Бедная Чечётка, воробьиная тётка!

А кот Царап поднимается по ветвям всё выше и выше, к добыче всё ближе и ближе. Вот уже над Чвиком поднялась когтистая кошачья лапа, того и гляди, воробьишку сцапает.

Но тут Царапа—раз! раз! раз!—кто-то клюнул прямо в глаз. Замахал разбойник лапами, на ветке зашатался, не заметил и сам, как на земле оказался. Заорал дико и стрелой помчался домой.

Взвилась в небо Чечётка, а за нею вся стая, над деревом покружилась, ничего не заметила, назад опустилась. Опять Чечётку ругают.

—Деревенщина! Воплей кошачьих не слышала, видно. Нам, птицам столичным, за тебя стыдно. Подожди только до утра—не обрадуешься, придёт

рассчитаться с тобою пора!

Бедная Чечётка, воробьиная тётка!

...Вот уж заря золотыми крылами взмахнула. Солнышко робко свой лучик к земле протянуло. Утро душистое, светлое, чистое зелень умыло росой серебристою.

Птица Чечётка, воробьиная тётка, ночью спать не стала, Солнышко поджидала. И лишь увидела первый лучик, чивикнула на всякий случай, на Чвика обиженно поглядела и с берёзы прочь полетела. Поднимается в небо всё выше и выше, далеко внизу остаются крыши.

Удивилось Солнышко:

—Что же это такое творится? Неужто пичужка в огне моём сгореть не боится? Стой, глупышка, дальше лететь не годится, у тебя на голове пёрышки начали дымиться.

А Чечётка ему в ответ:

—От обиды сгораю! Скажи, за что несправедливость такая? Я к воробьям в гости прилетела, на столицу посмотреть захотела. А они меня без конца обижают, без конца унижают, деревенщиной глупою обзывают.

Нахмурилось Солнышко.

—Что-то уж слишком загордились столичные воробьишки! Придётся, видно, устроить невзгоду из-за них всему воробьиному роду. Стяну им лапки волшебной нитью немножко—не смогут они важно расхаживать по ветвям и дорожкам. На двух лапках будут забавно прыгать они, как мячики, будут смеяться над ними маленькие девочки и мальчики. А тебя, Чечётка, порадовать мне хочется очень—дарю тебе на память красный платочек, чтобы каждая птица знала, что ты в гостях у Солнышка побывала.

С той самой поры каждый воробушек на двух лапках скачет, как серенький мячик. А Чечётка в красной косыночке по тайге летает и все её очень уважают.

Вот так Чечётка, воробьиная тётка!

Чечётка, как и воробьи, относится к семейству вьюрковых. Иначе называется «красноголовой полевой или лесной воробей». Очень энергичная, подвижная птичка, имеет красное пятно на голове.

Почему у мышонка голый хвостик

Сон-сончик, прыгни Танюше на носик, на самый кончик! Погладь ладошками Танины глазки—пусть ей приснятся добрые сказки!

Жил да был Юрка, мышонок юркий. Бегал мышонок в серенькой шкурке, таскал за собой пушистый хвостик и всюду совал любопытный носик. И был непослушный—ну просто беда!

—Хочу! Не хочу!—кричал он всегда и лапками топал, и мордочкой трёс, и морщил свой маленьким розовый нос.

Говорила ему бабуля Мышуля:

—Не пойму, в кого ты такой капризуля? Смотри, попадёшь, глупышка, в беду!

А Юрка в ответ ей:

—Не попаду!

Захотелось мышонку на солнышке летнем погреться, захотелось на травке ему повертеться. Выскочил из норки—да прямо во двор, на зелёный душистый ковёр.

—Прячься, глупый!—чирикнул ему Воробьишка.—На траве-мураве заметен ты слишком. Я от злющей Вороны, спасаясь, лечу!

А Юрка в ответ ему:

—Не хочу!

В траве развалился и глазки закрыл—и в лапы вороны как раз угодил.

Что натворил ты, мышонок Юрка! Теперь пропадёт твоя серая шкурка. Несёт тебя хищница в старый сад, там в гнезде воронята голодные пищат. А вдогонку ворон целая стая, каждая отобрать добычу себе желает.

Возмущенно закаркала хищница, завопила и мышонка бедного уронила. Полетел Юрка прямо в куст вниз головой и лежит там, ни мертвый и ни живой.

Только к ночи очнулся мышонок юркий, зализал поскорее серую шкурку, посидел, подумал и со всех ног побежал из города наутёк. Бежал и бежал он всю ночь без оглядки. Утром оглянулся—город далеко, всё в порядке. Кругом полюшко-поле, широкое раздолье, есть где порезвиться мышонку на воле. А цветов-то, цветов—целое море!

—Вот где букет нарву я!—сказал себе Юрка.—Без букета по полю какая прогулка?

Просят его цветочки:

—Не рви, пожалей нас хоть чуть!

Но мышонок в ответ им:

—А я хочу!

—Чего ты хочеш-ш-шь?—раздалось шипение сзади.

Мышонок в сторону отскочил, не глядя, затрясся всей своей серенькой шкуркой. «Снова беда!»—догадался Юрка. Змея разевает широкую пасть. Ох, Юрка, видно тебе пропасть!

—Укройте меня, цветочки-цветы!

—А ты пожалел, пожалел нас ты?

Змея зашипела:

—Подожди, малыш-ш-ш-ка, я лягуш-ш-шонка доем, он вкусный слиш-ш-шом, а потом я тобой закуш-шу, глупыш-ш-шка!

Отвернулась змея, а испуганный Юрка—скорее спасти свою серую шкурку. И день бежал, и ночь напролёт—и вот уже лес перед ним встаёт. А в этом лесу—большая гора, а в горе—пещера, большая нора.

Забрался в пещеру мышонок—и рад:
 —Темно и тепло, то, что надо, как раз! Вот это нора—настоящий дворец!
 Могу я хотеть, что хочу, наконец!
 И вдруг увидел: под потолком что-то висит большим и тёмным комком.
 —Эй, кто вы там?—крикнул, что было мочи.—Здесь Юрка-мышонок, вы слышите, поселиться хочет!
 —Ведите себя, пожалуйста, тише!—сказали мышонку летучие мыши.—У нас сончас, осталось поспать чуть-чуть. Ложитесь и вы!
 А Юрка в ответ:
 —Не хочу! Хочу кричать и бегать, и прыгать, на спинку ложиться и ножками дрыгать! Хочу—и буду шуметь, раз хочу!
 Вдруг страшно в ответ ему кто-то:
 —У-у-у!
 Рассердилась, видно, на Юрку гора—стала закрываться в пещеру дыра. Не увидит больше солнышка Юрка, ветерок не погладит его по шкурке. Из пещеры не выйдет он никогда.
 Заплакал мышонок:
 —Снова беда! И что такое, и почему, не пойму я, никак не пойму!
 —Давно наказать капризулю пора!—прогрохотала устало Гора.
 —Я больше не буду! Домой хочу!..
 А Гора насмешливо дразнится:
 —У-у-у! Беги, коль успеешь, скорее беги, да только хвостик свой береги!
 Осталась от дырки всего лишь щёлка—сейчас Гора и её защёлкнет. Бросился Юрка, в щёлочку юркнул, выскочить успел, пока дыра не закрылась, да только хвостик ему зацемило. Дёрнул Юрка свой хвостик, что было силы—вытащил его без единой волосинки. Бежит домой, торопится, что есть мочи, больше ни шалить, ни капризничать не хочет.
 А дома бабуля Мышуля плачет:
 —Где ты, мышонок юркий? Видно, пропала зазря твоя серая шкурка. Может, попал ты в лапы разбойнице-кошке? Или ворона схватила тебя на дорожке? Мне без тебя нет ни радости, ни житья!
 А Юрка с порога:
 —Бабулечка, вот он я! Я больше капризничать, честное слово, не буду! Я буду слушаться тебя и всегда, и повсюду!
 —А что с твоим хвостиком? Что же он голый такой?
 —С капризами вместе я шерстку зарыл под горой!
 С той самой поры и таскают все серые мышки за собой совершенно голенькие хвостишки.

Луговая сказка

Распустилась сказка на лугу зелёном в давние года. Ветер сказку поднял с ласковым поклоном и принёс сюда. Робко и печально постучал в окошко—протянулась к сказке Танина ладошка.

Солнышко-солнце, дорогой дружок, освети скорее сказочный лужочек! Шёлковую травушку бережно пригладь, загляденью-цветикам уж пора вставать.

—Доброе утро!—Ромашка хохочет.

—Доброе утро!—звенит Колокольчик.

—Доброе утро!—поют Клевера.—Доброе утро! Вставайте! Пора!

Усики тянет Мышиный Горошек. Лютики к солнышку тянутся тоже. И до чего ж хорошо на лугу—ни написать, ни сказать не могу! День ли в разгаре, иль ласковый вечер—луг красотой и отрадою светел. И как посланники доброты—цветы.

Только однажды в пыли у дороги вдруг появился—ох!—Чертополох. И выставил сразу колючие лапы:

—Не трогай меня! Могу оцарапать!

—Цветок-недотрога?—смеётся Ромашка.—Какие царственные замашки!

И прозвенел Колокольчик хрустально:

—Он болен, наверное. Это печально!

А ласковый Лютик шепнул Горошку:

—Мне кажется, это он понарошку! Дарить красоту—это так приятно.

—И что вы бормочете там невнятно? Вас топчут ногами, в букетики рвут. И радости всей-то—на десять минут!

Но время, как Красное Солнце, катилось, и в сказке страничка поворотилась.

Однажды Заря распахнула окошко—и Девочка робко свернула с дорожки по шёлковой травке к весёлым цветам и тихо вздохнула:

—Ой, что это там?

Она выступала птенцом голенастым. Мордашку веснушки усыпали часто, как острые крылышки—локотки.

—Что там за розовые цветки?

Но Чертополох—парень не плох! Колючки на страже:

—Всё это—моё! Цветочки не трожь! И листики даже!

Пронзила ручонку колючая боль:

—Не тронь!

Две горьких слезинки упали в траву. А может быть, больше?

—Нет, этого я не переживу!—вздохнул Колокольчик.

—Беги же сюда поскорее, беги, доверчивая бедняжка!—и к ней протянула свои лепестки улыбчивая Ромашка.

А ласковый Лютик шепнул:

—Отойди скорей от дорожки!

Мышиный Горошек усами обвил ей бережно ножки.

—Мы боль твою снимем,—зовут Клевера,—без всякой уловки! Ты только ладошкой своею погладь нам стриженные головки!

И Девочка дальше по лугу пошла. И шла, и смеялась. И тихая радость к ней в сердце вошла, вошла—и осталась. Когда же пришла расставаться пора (надолго! надолго!)—букетик цветов луговых унесла смешная Девчонка.

А время, как Красное Солнце, катилось, и в сказке страничка поворотилась.

На выставке праздничной тихо и чинно—люди рассматривают картины. И вдруг остановятся, словно споткнутся. Уйдут ненадолго—и снова вернуться.

Художница юная скромно отступит в сторонку, в сторонку. Цветы луговые признали бы в ней смешную Девчонку. А рядом с художницей в рамке неброской картина, в которой все кажется просто.

Там: «Доброе утро!»—Ромашка хохочет.

Там: «Доброе утро!»—звонит Колокольчик.

Там: «Доброе утро!»—поют Клевера.—Доброе утро! Вставайте! Пора!»

И усики тянет Мышиный Горошек. И Лютики к солнышку тянутся тоже. Там радость и свет, доброта и мечта, щедрая, вечная красота! Нельзя отойти от картины без вздоха. Но нет на ней места Чертополоху!

*Рассказалась сказка, сказка луговая, улетела с ветром в дальние края.
Не грусти, Танюшка, прилетит другая. Сказок в жизни много, девочка моя!*

Как Дедушка Мороз заболел

За городом, полным и шума, и дыма, за степью холодной и нелюдимой, за сопками, в танце стоящими тесно, есть сказочный лес, никому не известный. Там в шапочках белых пеньки-сиротинки, там в терем волшебный уводят тропинки. В лесную чащобу войди без опаски—там в шорохе веток рождаются сказки.

Дедушка Мороз был старенький—не любил модные сапоги, носил валенки. Пришел в город покупать подарки. Сел отдохнуть на скамеечке в парке. И задремал. А Злодейка-Распутица растопила снег, в деревьях капелью крутится. Довольна, что заснула у Деда в шубе Стужа, а вокруг скамейки—уже огромная лужа. Промокли валенки у старика. Проснулся, а под ногами—ну просто река. Выпустил из шубы Стужу, ударил морозом—заледенели валенки, ноги замерзли. Торопится Дедушка Мороз обратно в лес скорее, а идти все тяжелее и тяжелее. Заболели ноги, заболели руки, совсем плохо дело—горло у старика заболело. Еле дотащился до своей снежной избушки, на кровать повалился, периной снежной накрылся, положил голову на снежную подушку. Заболел Дедушка Мороз, а Злодейка-Распутица и рада—ей бы грязи побольше, а снега совсем не надо.

Промокли зайчишки, промокли волчата, промокли все лесные зверята. Чихают и кашляют, шмыгают носом. Послали Сороку за Дедом Морозом.

Вернулась Сорока:

—Беда! Беда! Лесного доктора срочно сюда! У Деда Мороза ужасный жар! Все тает в избушке! Из окон пар!

Доктор Барсук, и толстый, и важный, в избушку к больному забрался отважно. Отдуваясь, вышел и сказал лесному народу:

—Калины бы надо, немного мёда, лесного чеснока и лука. Все на поиски! Быстро! Ну-ка!

Первой прибежала Мышка-Малютка, принесла корешки чеснока и лука. Долго искали по лесу калину—принёс Свиристель веточку с ягодами, уцелевшими наполовину. А вот с мёдом получилась просто беда: мёд только у Медведицы в берлоге, никто не хочет идти туда. А Дедушке Морозу всё хуже и хуже. А в лесу грязь и сплошные лужи. Какой же праздник в такую погоду? Видно, останутся детишки без Нового года, останутся без ёлок и без подарков...

Ёжик вздохнул:

—Мне детишек жалко! Пойду в берлогу, будь что будет, мои колючки хоть кого разбудят!

Забрался в берлогу Ёж, Медведице к самому носу, колючки распустил. Укололась Медведица, проснулась:

—Кто это ко мне пожаловал без спросу? Тебе, Ёж, что, жить надоело?

—Не сердись, тетушка-Медведица! Страшное дело! Заболел Дедушка Мороз! В лесу Злодейка-Распутица растопила снег, над лужами дождиком крутится. Сама понимаешь, в такую погоду ну как приготовиться к Новому году? Останутся без праздника и ребята, и зверята. А всего-то кружечку мёда для Дедушки Мороза надо!

Медведица заворчала:

—Для такого дела я бы и бочонка не пожалела. Да вот вставать, идти неохота...

А Ёжик ей:

—Да мне бы хоть кружечку! Кружечку всего-то!

Бежит Ёжик с мёдом, бежит-поспешает. А лесной народ волнуется, переживает. Увидел Барсук мёд—и к больному скорей. Столпились зверята у самых дверей. И вдруг замечают—пар-то из окон исчез. Зазвенел ледяными сосульками лес.

Избушка у Деда опять серебрится, а на землю—ура!—снежок ложится.

Дедушка Мороз на крылечко вышел, снегом засыпал на избушке крышу, деревья одел в белоснежные платья, улыбнулся:

—Здравствуйте, лесные братья! Спасибо за доброту и заботу, будем готовиться к Новому году!

Заскрипели по лесу с ёлками санки. Дед Мороз в мешок укладывает подарки. Не забыты ребята, не забыты зверята—всех малышей обрадовать надо! Ну, а Ёжику подарок особый, а вот какой—догадайся, попробуй!

Почему у Бабушки Ёшки избушка на курьих ножках

Если часто плачут глазки, жизнь не очень хороша, пусть своей ладошкой сказка приласкает малыша.

У Бабушки Ёшки была небольшая избушка у лесной дорожки. Дожди её поливали, солнце её палило. Состарилась избушка, обветшала, ветром её на бок завалило. Помело размочалилось, раскололась ступа, остались у старой одни башмаки-мокроступы. Решила сделать себе Бабушка-Ёшка новую избушку, да не какую-нибудь, а на ножках. Чтобы возила её, старую, куда прикажет, а она, Баба-Яга, на печке заляжет.

Утро в траве зажигает росинки, капельки солнца блестят в паутинках. Баба Яга ковыляет дорожкой, тащит под мышкой облезлую кошку.

—Мир и покой для меня наступают: лапки кошачьи так мягко ступают!

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Кошка облезлая,
Стань-ка избушкой!

Тихо по лесу крадётся избушка, а Бабушка Ёшка храпит на подушках. И вдруг—скачок! И вдруг—прыжок! Избушка—за мышкой, а старая—нос в потолок! Направо, налево избушка несётся, а Бабушка Ёшка на печке трясётся.

Кряхтя и ругаясь, сползла она на пол. Досталось ей и кочергой, и ухватом. Добралась до двери, свалилась с крыльца, стена и охая без конца.

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Стань кошкой облезлою
Снова избушка!

На лес напалзают лохматые тучи и ветер шубёнку на бабушке крутит. Свистит, подвывает, совсем раздевает.

—Ой, пропаду! Без избушки мне лихо! Кого же поймать, чтоб возил меня тихо? Избушку хорошую сделать—не шутка! Пожалуй, нужна мне ленивая утка!

В деревню за уткой по пыльной дорожке торопится старая Бабушка Ёшка. Подкралась, поймала—и в лес поскорее.

—Теперь-то избушку я сделать сумею!

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки,
Стань важная утка,
Скорее избушкой!

Ни ветер, ни дождь не страшны Бабке Ёшке, на печке она задремала немножко. А утка-избушка идёт по дорожке. Всё дальше и дальше—так плавно и тихо. Ну, кажется, кончилось бабкино лихо! Да только дорожка та на беду вела к пруду. А там и улитки, а там и лягушки. Топочет по берегу утка-избушка. И только как следует бабка уснула, избушка за жирной лягушкой нырнула. Торчат над водой только жёлтые лапы: скорее, скорее Квакушку зацапать!

А Бабушка Ёшка на потолке плывёт на подушке, с другою в руке.

—Ой, караул, утону, пропаду! Дверь под водою никак не найду!

Бабушка Ёшка разбила окошко, в лягушках и тине на берег взобралась, едва отдышалась.

Чуфало, кряхало,

Сушки, бурбушки,
Стань уткой противною
Снова, избушка.

Вся мокрая, еле бредёт по дорожке бедная, бедная Бабушка Ёшка. Дошла до деревни, легла в огороде. А девочка Саша цыпляток выводит:

—Цып, цып, маленькие, выходите, погуляйте, на солнышко поглядите!

Видит—старушка лежит на грядке, вся мокрая, волосы в беспорядке.

—Бабушка, ну-ка идём со мной в дом! Я хлебом тебя накормлю с молочком, одежду твою просушу и согрею, а то ненароком ещё заболеешь!

Бабушка Ёшка наелась, согрелась, заплакала тихо и рассказала девочке про свое лихо.

«Ну,—думает Саша,—плохие дела».

—Бабуля, ты б курочку лучше взяла. Она никуда ни за кем не помчится, воды она тоже ужасно боится. Отдам тебе, бабушка, нашу Пеструшку. И будет тебе мировая избушка!

Бабушка Ёшка поплакала ещё немножко, девочку Сашу обняла, поцеловала, Пеструшку взяла и к лесу пошла.

Чуфало, кряхало,
Сушки, бурбушки—
Курочка милая,
Стань-ка избушкой!

Стоит у дорожки избушка на курьих ножках, белые занавесочки на окошках. Лежит себе на печке Бабушка Ёшка.

Лежать устанет, встанет,
сварит пшеничную кашу—ждёт к себе в гости девочку Сашу. Довольна избушкой: Пеструшка так, изредка, тихонько наклонится, чтобы поймать червячка.

Про шуршиков

Осень, сказочная птица, снова в окна к нам стучится, и опять печальный вечер выплывает ей навстречу. Потихонечку темнеет. Сказка, приходи скорее!

В старом парке, притихшем парке разожгла Осень костёр свой нежаркий. На одном дереве листья—золотые ладошки, на другом—красные, на третьем—всего понемножку. И светло, и празднично—просто диво. Так бы Осень из парка и не уходила. А Зима на лапах холодных крадется и над Осенью потихоньку смеётся.

—Застужу, заморожу твою красоту! Ветры хмурые листья с деревьев сметут. Нагоню я скоро снежные тучи—опадёт красота в безобразные кучи.

Стали плакать деревья, роняя листья-ладошки, устилая золотом траву и дорожки. Полежат листочки—и зашуршат, зашуршат, словно гномы-малютки их ворошат.

В старом парке, волшебном парке уронила Малышка свой мячик яркий. Топ-топ-топ затопали ножки к куче листиков у дорожки. Присела девочка, к мячику наклонилась—а листики вдруг зашуршали, зашевелились. Мелькнули в них весело жёлтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Ой, кто ты?—прошептала Малышка.—Вроде бы человечек, да маленький слишком.

—Я шуршик!—прошелестел человечек.—Я очень рад неожиданной встрече. Не бойся, Малышка, я тебя не обижу. Всех злых и противных я сам ненавижу.

—Ты маленький и добрый, и значит, ты не возьмёшь мой красивый мячик.

—Ты что, шутишь?—прошелестел шуршик.—Да я его к тебе подкачу лучше.

Взяла Малышка мячик, а уходить не хочется, не хочется ни играть, ни к маме ворочаться.

—Шуршик, я не хочу бегать по дорожке. Давай с тобой поговорим немножко. Кто ты такой? Зачем? Почему? Хочешь, тебя я на ручки возьму?

—Что ты, что ты!—шуршик перепугался и поглубже в кучу листьев забрался.

—Ну тогда мне к тебе можно? Я на коленках подползу осторожно.

Шуршик вздохнул:

—Не стоит, крошка. Встань-ка лучше на ножки и листик жёлтый возьми в ладошки. К глазам подноси его ближе и ближе...

—И что случится?

—Сама увидишь.

Подносит послушно Малышка листок в ладошках, а он делается всё больше и больше. Стал огромный такой, аж всё вокруг пожелтело, завертелось, куда-то полетело. Голова закружилась, закрыла глаза Малышка, а когда открыла—рядом стоит мальчишка, жёлтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Как ты вырос! Красивый, как на картинке.

—Я не вырос, это ты стала маленькой, как шуршилка. Дай мне руку, пойдём под землю со мною, я великую тайну тебе открою.

—А там не страшно?—спросила Малышка, всё глубже и глубже зарываясь в листья.

...В старом парке, в печальном парке Чёрный Ворон тревожно закаркал.

Ищет, ищет Малышку мама, а та всё дальше уходит упрямо, золотым коридором под землю всё глубже. Великая тайна ей голову кружит.

В огромной пещере—шуршащие стены. Они из листьев осенних, наверное. Шуршащие стулья—двигай не двигай, на шуршащих столах—шуршащие книги. За столами шурши сидят с умным видом. А на полу шуршики и шуршилки играют в листики и дразнилки. Увидели девочку—испугались, под столы к папам и мамам забралась. А те всё читают с умным видом, ничего не слышат, ничего не видят.

Шуршик всё дальше уводит Малышку, в маленькой дверце отодвигает задвижку, ведёт коридором, узким и тёмным, и вот они в комнатухе перед шуршем огромным.

—Поклон тебе низкий, Мудрый Шуршило!

—Здравствуй, пра-пра-пра-правнучек! Где это тебя носило?—И вдруг закричал голосом удивительно тонким:

—Зачем ты привел к нам эту девчонку? Нашёл у людей её? Только не лги! Ты знаешь, что люди—наши враги.

—Дедуля, послушай меня хоть немножко. Она человек, но право же, крошка. Ты можешь ей всё говорить без опаски.

—А если расскажет?

—Подумают—сказка.

Надолго задумался Мудрый Шуршило. В голове у него зашуршало, зашеборшило.

—Ну, ладно. Садитесь ко мне поближе. Дайте мне самую толстую из книжек. Слушай, Малышка, как это было.

...На далёкой планете солнце печально всходило. Не на радость всходило оно, а на горе: громадный дракон Сток поселился в море. У дракона Стока голов не счесть, и в каждой зубастой пасти своя отравка есть. Но шурши—весёлый, беспечный народ. «А!—думают,—пусть себе живет!». Отравой стала вода на планете. Первыми заболели маленькие дети. Тут уж шурши решили со Стоком сразиться. Да надо же было другой беде приключиться: в небе появился еще один дракон—Глот, воздух глотает, растёт и растёт. Задыхаясь, построили шурши ракеты и улетели на другие планеты.

—Так мы на Земле очутились, Малышка,—сказал Мудрый Шуршило, закрывая книжку.—Но Земля оказалась недоброй планетой—люди свою доброту потеряли где-то. Убивают птиц и собак, и кошек—где уж им пожалеть шуршиков-крошек! У людей какие-то злые законы. Может быть, и у них появились драконы?

—Я не знаю,—сказала Малышка.—Я хочу к маме, я устала слишком.

...В старом парке, угрюмом парке появился милиционер с собакой-овчаркой. Солнце забралось в лохматую тучу, спать устраивается получше. Скоро на парк темнота упадёт. Неужели Малышку никто не найдёт?

Подбежала собака к кучке листиков у дорожки. Чьи же это торчат красные сапожки? У милиционера сердитый вид.

—Её тут ищут-переищут, а она в листьях спит!

Взяла мама на руки дочку, а та всё что-то бормочет:

—Не надо Глота! Не надо Стока! Шуршики, я не буду жестокой!

...Подросла моя Малышка и давно уткнулась в книжки. Но лишь Осень в старом парке разожжёт костёр нежаркий, лист на землю упадёт—шуршиков искать идет.

Подарок

Зимний вечер, словно свечи, звёздочки зажжёт. Зимний ветер, стылый ветер на сугроб прилёт. Заглянула ночь с улыбкой в сонное окно. Внучку тёплая постелька ждёт уже давно. Под щекой ладошка—спи скорее, крошка!

Издавека очень, из страны долгой ночи, сударыня Зима прилетела, в белые одежды землю одела. Стало на улице светло и нарядно. Пора! К Новому году готовиться надо! Торопятся мамы и папы, спешат подарки и ёлки купить малышам.

...В заснеженном парке сугробы повсюду. Там сказки рождается зимнее чудо. Постой и послушай, замри, не дыша—услышишь, как тихо снежинки шуршат.

Чья Мама бредёт по дорожке устало и шепчет:

—Как жалко, что денег так мало!

Ни ёлки в руках у неё, ни подарка. Идёт, чуть не плачет: дочурку ей жалко. Ждёт Любочка Маму, сидит у окошка—печальные глазки, озябшие ножки.

—Обрадовать дочку попробуй, сумеи-ка! Придумать бы что! Посижу на скамейке.

Тут Ветер-проказник задел её лапой, улёгся у ног шаловливой собакой. Шепнул:

—Посиди, подожди, не грусти! Невесело сумку пустую нести. Сегодня в гостях ты у старого парка. Зачем же домой уходить без подарка?

Просыпались музыкой льдистые звоны. По парку летят белоснежные кони. Карета снежинками нежно искрится. Подумала Мама, что это ей снится. Встала карета под ёлкой лохматой. Вышел старик из неё бородатый, а с ним и красавица в белой шубейке. Смотрят: кто-то сидит на скамейке.

—Ну, Ветер-проказник, испортил нам праздник! Почему не следил, провинил, в парке сидеть разрешил посторонним?

—Тебе, Дед Мороз, не годится сердиться! Смотри, прилетели весёлые птицы, и к танцам деревья готовятся дружно. А женщина? Лучше спроси, что ей нужно? Ведь ты же добрее всех дедов на свете!

Старик засмеялся:

—Ох, хитрый ты, Ветер! Но в сказку попала она. Непорядок!

А с ёлки—Сорока:

—Помочь бы ей надо! Ну как ей домой без подарка идти? Как сумку пустую дочурке нести?

Снегурочка к Деду Морозу прижалась:

—Ах, жалко! Подарков у нас не осталось! Пустой твой мешок и пустая карета, лишь ёлка в углу завалилася где-то.

Красавица тихо подходит к скамейке, пушистый клубок достает из шубейки:

—Возьми! Это мой ненаглядный дружок! Пусть станет подарком котёнок Снежок! И вот ещё ёлка. Пора тебе в путь. А в сказку дорогу, смотри, позабудь!

Рассыпались музыкой льдистые звоны. Исчезли карета и белые кони. Метелью над парком балуется Ветер. Но парк и в метель и наряден, и светел.

... Ждет Любочка Маму, сидит у окошка—печальные глазки, озябшие ножки. Вдруг дверь отворилась—зелёное диво!

—Ой, мамочка, ёлка! Как будет красиво!

Из сумки у Мама—какой-то прыжок.

—А это подарок. Котёнок Снежок, пушистый и белый. Дружи с ним, Любаша! Затопим-ка печку, наварим вам каши! И ёлку поставим в углу у окошка. Из тряпочек сделаем ёлке сережки. Пусть праздник и к нам этой ночью придёт—счастливый и радостный Новый год!

—Ой, Мама, смотри—на окне серебристые розы!

—А это подарок тебе от Деда Мороза!

А зима—она какая?

Снег на горке на дворе—то-то радость детворе! Санки с гвоздика достали, чтоб они у двери спали. Завтра, только солнце встанет, Саша быстренько достанет шубку, шапку, валенки для сестренки маленькой. А сейчас быстрее спать—сказку новую читать.

Ежонок Прошка, короткие ножки, на ножках сапожки, колючее пальтишко—был очень любопытный мальчишка. Не давал маме Ежихе покоя:

—А зачем? А почему? А что это такое?

Бедная мама замучилась прямо.

Отжурчала весна. Отрумянилось лето. Вот и осень явилась, дождями одета.

—Ну,—думает Ежиха,—скоро отдохну. Заляжем спать—и кончится игра в вопросы и ответы. За долгую зиму вырастет Прошка и поумнеет, сам во всём разобраться сумеет.

Под старый пенёк натаскала листьев охапку—будет сон и крепким, и сладким.

—Ну-ка, Прошка, мамина крошка, устраивайся, хватит крутиться!

Только ежонку ну никак не ложится.

—Мама, а что такое зима?

—Спи, сыночек! Этого я не знаю сама.

Решает Прошка:

—Посплю немножко, а потом выйду наружу, узнаю: зима—она какая?

...Над лесом запели, завывали метели, холодную шубу на землю надели, накинули белые шали на ели. Пригнали с холодного севера стужу.

Проснулся ежонок и вылез наружу. Не верит глазам: красотища какая! Вокруг всё искрится. Вокруг всё сверкает. Так здорово, глаз отвести невозможно. Увидел Ворону.

—Тётенька, это зима?—спрашивает осторожно.

—Зима, зима!—проворчала Ворона.—Забирайся в нору и спи, глупый ежонок!

Но упрямый Прошка побежал по дорожке.

—Посмотрю, побегаю совсем немножко!

Бежит и чувствует—замерзают ножки. А тут, как на грех, навстречу Лисица.

—Ах, маленький, что же тебе не спится? Видно, жизнь тебе, чудяку, надоела. Тобой закусить я бы очень хотела!

Хочет Прошка завернуться в колючее пальтишко и не может—замерз уж слишком. А Лиса всё ближе и ближе подходит. Помчался ежонок, не разбирая дороги, выскочил к небольшому пригорку и провалился в кротовью норку.

—Спаси меня, Крот! Чуть не съела меня Лисица!

А Крот ему:

—В норы чужие влезать не годится! Гостей не люблю. Ступай-ка своей дорогой. Ну, ладно, погрейся, но только пшеницу мою не трогай!

Поспать бы ежонку, но мрачно здесь и одиноко. Нет листиков мягких, нет мамы Ежихи под боком. Чуть-чуть отдохнул и согрелся совсем немножко—выскочил из кротовьей норы маленький Прошка и испугался: в лесу тишина, ни звука, и прямо на него летят лохматые белые мухи. Повсюду они, куда ни взгляни—как их много! Они заметают кусты и пенёчки, и дорогу.

Бредёт бедный Прошка, еле передвигает ножки, выбивается из послед-

них сил: на спине сугроб, снег глаза залепил. В конце концов в снежный ком превратился, до медвежьей берлоги докатился. Подкатился под бок спящему медвежонку Феде, пригрелся, уснул. Хорошо у медведей!

Да только Федя ворочаться начал. Колется что-то, вот незадача!

—Мама,—захныкал,—откуда колючки? Спать не дают, посмотри-ка получше!

Медведица заворчала спросонок. Села. Пошарила лапой.

—Да это ежонок! И что к нам залез? Удивительно прямо!

Прошка заплакал:

—Хочу домой! Хочу к маме!

—И откуда ты взялся в зимнем лесу? Ладно, так и быть, домой я тебя отнесу!

...Спит с мамой Прошка, короткие ножки, на ножках сапожки, колючее пальтишко, забавный мальчишка. Знает теперь, что такое зима: это когда всем ёжикам спать положено!

Про Пингвинёнка Пиньку

Мчится за окном метель—белая лошадка. Нам давно пора в постель, в тёплую кроватку. Положи под ушко мягкую подушку да закрой-ка глазки—и услышишь сказку.

Пингвинёнок Пинька—пингвинёнок смелый, чёрненькая спинка, а животик белый. Он у Мама и Папы—единственный и бесценный, да вот только шалун отменный. Любопытство его разбирает—аж жутко! Только родители отвернутся—затопают ножки вперевалку по снежной дорожке.

—Почему снег белый, а в трещинах зелёный лед? Надо разведать! Вперёд!

Над трещиной пониже наклонился—и вниз свалился. Бегают Мама, бегают Папа:

—Куда подевался сынок краснолапый?

До трещины добежали—чуть в обморок не упали. Хорошо очень, что у Пиньки толстый животик. Пинька застрял, далеко не упал.

—Соседи! На помощь! Скорее сюда! Надо вытащить Пиньку изо льда!

Наказанный Пинька согнул свою спинку. Стоит, размышляет:

—За что попадает? Поставили рядом, стой, и ни с места! А если мне всё интересно?

Оглядывается Пинька и видит: лежит у камня огромная рыба.

—Маленькой рыбки глотаешь без счёта. Одной большой наестся охота!

Только отвернулись Папа и Мама—пингвинёнок к рыбе понёсся прямо. Лапки раздвинул, клювик разинул—хватать!—и скорее глотать. А рыбина—вот ведь вредная какая! Всё застревает и застревает. Чувствует Пинька—беда! Ну ни туда теперь, ни сюда! Упал на спинку, лапками машет, а рыба голова над Пинькою пляшет. Встать он не может, позвать не может. «Ох,—думает,—задохнусь, кто мне поможет?»

Десять пингинов спасали ребёнка, рыбу вытаскивали из пингвинёнка. Тянули так, что искры из глаз:

—Эй, ухнем! Эй, ухнем! Ещё разик да ещё раз!

Пингвинёнку крепко досталось, но любопытство его никуда не девалось—при нём осталось. Замучились с ним и Папа, и Мама. Устали, на солнышке разомлели и задремали.

Думает Пинька:

—С Папой и Мамой я в ссоре. Не любят они меня—уплыву от них в море!

А море ворочается и вздыхает, а море сердитые волны вздымает. А в море Акула зубастая рыщет, кого-нибудь на обед себе ищет.

Решает Пинька:

—Я смелый или не смелый? С берега спрыгнуть—всего-то и дела!

Глазки закрыл, разбежался и с ходу с головкой ухнул в холодную воду. Сердитое море волною вздохнуло, вверх тормашками его перевернуло:

—Хочешь плавать, малыш, научиться—придётся тебе хорошо потрудиться!

Трудятся крылышки, трудятся лапки:

—Ура! Я плыву! Но всё-таки страшно!—и к берегу без оглядки.

Ох, оглянуться Пиньке бы надо: зубастая Акула—вот она, рядом! Пинька уже у берега, а вылезти не может—крылышки и лапки скребут по льду. «Ну, теперь,—думает,—точно пропаду! Кто найдёт? Кто поможет?»

Но море вдали фонтаном кипит: появился Кит. Щёлкнула со злостью зубастая акуля пасть:

—Опять этот Кит! Чтоб ему пропасть! Сам пингинов не ест и мне не даст. Убираться придётся, такие дела!—И в море разбойница уплыла.

А у пингинов опять тревога: Мама и Папа зовут на подмогу.

Тонет у берега Пинька-глупышка, надо скорее спасти малышку. Пингвин за пингином прыгают в воду—маленькому неслуху на подмогу. Спинами, головами толкают—и вот уже, еле живой, Пинька из воды вылезает. Стоят вокруг пингины, его ругают:

—Что же ты, глупый, забрался в море? В одиночку плавать—далеко ли до горя?

—Не нужен я Маме, не нужен я Папе!—горько рыдает малыш краснолапый. Нашлёпать ребенка—нехитрое дело. А если мне стоять и стоять надоело?

—Любопытство твое, пингвинёнок, опасно. Погибнуть ты можешь совсем напрасно. Мы знаем, Пинька,—ты очень смелый, чёрная спинка, животик белый. Для родителей ты, поверь, единственный и бесценный. Но чтоб не пропасть в чьи-то зубы и лапы—нужно слушаться Маму и Папу!

Оглавление

От автора	5
Гусёнок и бабочка	6
Про яблочко наливное	7
Ёжка Ерошка	8
Про куклу Настю	9
Про Тишку-Глупышку	11
Про Топтыжку	12
Про глупую квакушку	14
Почему лягушонок стал зелёным	15
Про речку Горлицу	16
Про Егорку	19
Про ворону Акулину	21
Про мартышку Иришку	22
Сёмка-Бурундук и его большой сундук	24
Про муравьишку, забавного малышку	26
Про золотые чешуйки	28
Пребольшущее спасибо	30
О потерянном слове	32
Про кота Василия и кошку Василису	34
Про добрую воду	36
Про Чечётку, воробынью тётку	39
Почему у мышонка голый хвостик	41
Луговая сказка	43
Как Дедушка Мороз заболел	45
Почему у Бабушки Ёшки избушка на курьих ножках	47
Про шуршиков	49
Подарок	51
А зима—она какая?	53
Про Пингвинёнка Пиньку	55

ПЕЛИКАН

Литературно-художественный альманах, № 13
(специальный выпуск)

Учредитель: Редакция газеты "Инвалид". Альманах
зарегистрирован Западно-Сибирским региональным
управлением регистрации и контроля за соблюдением
законодательства РФ в области печати и СМИ Роскомпечати
РФ 5 января 1997 года.
Свидетельство о регистрации № Г-01115

Художник Альбертина Фомченко.

Редактор З. Черновол.
Компьютерный набор и верстка Э. Бабаевой.

Адрес редакции: 654000, г.
Новокузнецк, почтамт, а/я 7120
Телефон (факс)—(8 384 3) 45-68-42

Отпечатано в ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат».
Ул. Орджоникидзе, 11. Заказ № 2920.

Все печатные материалы охраняются авторским правом.
Перепечатка, размножение фотомеханическим или другим
аналогичным способом и частичное
использование материалов разрешается только с согласия издателя.

Тираж 1000 экз.

200 p

482

